ББК 63.3 (235.7)-3
К 51

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ФГБОУ ВПО «ПГЛУ»

Клычников Ю.Ю.
Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (Историко-политологические очерки) / Под ред. и с предисловием проф. С.Л. Дударева. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2016. – 99 с.

В работе поднимаются вопросы, связанные с проблемными аспектами ситуации на современном Северном Кавказе. Анализируется роль насилия в существующей политической практике в регионе, роль конфликтных исторических сюжетов в формировании мировоззрения населения и «войнах памяти». Издание рассчитано на аудиторию, интересующуюся прошлым и настоящим Северного Кавказа.

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор Ю.Ю. Гранкин;
доктор исторических наук, доцент С.С. Лазарян.

ISBN 978-5-4220-0737-0

©Ю.Ю. Клычников, 2016
© ФГБОУ ВПО «ПГЛУ», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора……..…… 4

Фактор насилия в северокавказской
политической практике: история и современность……. 11

Конфликтные страницы прошлого
и их современные трактовки: к оценке
дискурса проблемы т.н. «Кавказской войны»…….. 43

Историческая интерпретация «черкесского вопроса»
в современной политической практике……. 66

Заключение…….. 81

Послесловие……. 83

Список источников и литературы……. 85

Предисловие редактора

Новая работа известного историка-кавказоведа, д.и.н., проф. Ю.Ю. Клычникова посвящена теме, которая является одной из наболевших в изучении северокавказской истории и одной из самых обсуждаемых в российском обществе. Причины этого широко известны. Федеральный Центр ряд лет пытается решить одну из главных проблем, доставшихся в наследство от прошлого – «Как нам обустроить Кавказ (Северный)?». Проф. Клычников стремится затронуть целый ряд самых чувствительных точек в отношениях Большой России и Северного Кавказа, невзирая на их остроту и болезненность, причем, можно даже сказать, делает это именно по данной причине. Ю.Ю. Клычников известен своей бескомпромиссностью в оценках. Иным коллегам это не нравится. Но уже давно настала пора называть вещи, имеющие место в регионе, своими именами, для того чтобы обнажить всю подноготную накопившихся проблем. Именно так ещё 10 лет назад сделали В.В. Дегоев и И.Ю. Ибрагимов[1], чья книга прозвучала едва ли не как манифест в отношении того, что же нужно делать российским властям на Северном Кавказе. Судя по тому, о чём речь идет в книге Ю.Ю. Клычникова, дело пока заметно не сдвинулось с прежней точки, хотя власть и видит существующие проблемы.

В нашем предисловии невозможно остановиться на всех аспектах данной книги. Попытка сделать это привела бы к существенному расширению объёма как предисловия, так и самой работы Ю.Ю. Клычникова, так как автор этих строк сам много лет причастен к наблюдениям и исследованиям в области рассматриваемых в ней проблем, которые во многом отразились и на его личной судьбе[2]. Посему мы коснемся только наиболее принципиальных моментов темы.

---

[1] Дегоев В.В., Ибрагимов Р.Ю. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию, или Повестка дня на вчера. – М.: Издательский дом «Империум – XXI век», 2006.

[2] Дударев С.Л. Это было недавно, это было давно…: очерки истории и повседневного быта одной семьи в интерьере эпохи. К 190-летию основания города Грозного (1818-2008) - Армавир-Ставрополь, 2008. - 272 с.

Целый ряд страниц книги посвящён проблемам роста социальной архаики, этнокланократии, демодернизации, дерусификации Северного Кавказа, массовой безработицы, миграции его населения в Большую Россию, несостоятельности ряда действий местного (и фактически – центрального) руководства по обеспечению перспективного решения социальных проблем региона за счёт его внутренних ресурсов, роста экстремизма и терроризма, радикальных настроений и учений (салафизм, ваххабизм), идеализации прошлого в части героизации сопротивления усилиям России (в разном обличье) по интегрированию горцев в свои структуры и т.п. Исследователь, разумеется, в курсе той реакции, которую «выдаёт» общественность и некоторые научные круги Большой России в ответ на проявления динамики активности кавказцев, которая рядом исследователей уже была оценена как своеобразное продолжение «набеговой системы» XIX в., с учётом, разумеется, современных социополитических и экономических реалий. Соглашаясь с автором в части тех или иных прозвучавших оценок и нюансов анализа, заметим, что они в целом согласуются с современным научным «мейнстримом» (см. библиографию книги, а также прим.2)[3], т.е. вписываются в общий историографический контекст темы.

Ю.Ю. Клычников стремится вникнуть в личностные аспекты региональных проблем, в том числе связанных с ролью в современных событиях на Северном Кавказе и в России в целом Р.А. Кадырова. Он верно отмечает тенденцию к росту личной власти региональных лидеров, выстраиванию властной вертикали, в основе которой, в частности, лежит принцип личной преданности, служащий критерием для кадрового отбора. В этом специалистам видится одна из черт «новой феодализации» в со-

[3] См.: Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В., Романов И.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Том V. Специальный выпуск. Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 160 с.; Матишов Г.Г., Пащенко И.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Том VI. Южнороссийский макрорегион и Олимпиада в Сочи. Специальный выпуск. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. - 200 с.; Дударев С.Л. К изучению специфики интегративного процесса у народов Северного Кавказа и Большой России в XVIII – начала XXI в. – Армавир: Дизайн-студия Б, 2013. - 56 с.

временной России[4]. То же самое мы наблюдаем и в высших эшелонах власти. В целом российская властная вертикаль сегодня выстроена в виде пирамиды, краеугольным камнем которой является Президент РФ. Любая дестабилизация статуса этой персоны приведет к обрушению всей системы властности[5]. Именно в этой связи ныне мы видим укрепление силовых инструментов центральной власти, главным из которых является Национальная гвардия[6]. Иное дело, что в сложившейся ситуации на Северном Кавказе ставка Центра на конкретную фигуру обусловлена отсутствием других эффективных рычагов влияния и поэтому может быть признана временно оправданной[7].

Не обойдена Ю.Ю. Клычниковым и проблема т.н. «Кавказской войны». Стойкое внимание к ней, имеет, безусловно, политическую подоплеку, о чём верно пишет автор. Вопрос, однако, и в том, что тема сопротивления российскому оружию имеет и тесную связь с национальным самосознанием, как один из главных «строительных кирпичей» в его фундаменте. Ответ на вопрос о том, почему же «комплекс джигита» по-прежнему нерушим, лежит в плоскости того, что горцы не лишились своего «цивилизационного кода» в процессе огосударствления. «Российскость» как особая социокультурная сфера, представленная в дискурсе тех ученых, которые видят, прежде всего, позитивные стороны взаимодействия Северного Кавказа и Большой России (Школа В.Б. Виноградова и идейно близкие к ней специалисты), позволила горцам вписаться в государственные структуры Большой России, интегрироваться в них. Но при всём

---

[4] См.: Андрей Фурсов – последнее. Новое средневековье [Электронный ресурс], Режим доступа // https://www.youtube.com/watch?v=iPfYJKLQml8 (дата обращения - 24.10.15).

[5] Исторические аналоги этой системы имеют широкие хронологические рамки – от империи инков до латиноамериканских режимов.

[6] Стрелков И. О чем говорит создание Нацгвардии? [Электронный ресурс], Режим доступа // https://www.youtube.com/watch?v=rdpmpGe2eq8 (дата обращения - 14.04.16).

[7] Дударев С.Л. Российская политика на Северном Кавказе – мироустроительство или мессианство? (в общегосударственном контексте) // Российский Северный Кавказ: проблемы формирования, материалы к историко-археологическому изучению региона. Доклады и сообщения 19 семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. – Армавир, 2016. – С.39.

том мировосприятие горских народов, их система ценностей во многом основаны на кавказской маскулинности. Её важной составной частью и является героика борьбы с российскими войсками в первой половине XIX в. Она неотъемлема от имиджа настоящего мужчины, джигита, того, кого, например, в чеченской традиции называют «йах йолу кIант» – честь имеющий молодец. И в этом нет ничего противоестественного, поскольку данная борьба была связана с отстаиванием свободы в старинном её понимании (неподчинении любой власти, кроме власти традиций, старейшин, ношении оружия, совершении набегов на ближних и дальних соседей, кровной мести и т.п.). Но такая свобода, как оказалось, была несовместима не только с российскими имперскими порядками, но и с установлениями имамата Шамиля. При этом традиции, заложенные имаматом, при всей неприемлемости ряда из них для многих жителей этого государственного образования, не имевшего корней в горской историко-культурной и социальной традиции, и, казалось бы, искусственно надстроенного над ней (как затем и советские порядки), тем не менее, как убеждены ныне в Дагестане, повлияли на оформление современной дагестанской идентичности[8].

Возвращаясь же к «российскости», укажем на то, что она не разрушила «самости» и «иммунности» основ горского уклада, основанного на исламе, явившемся тем цементом, который прочно скрепил социальные и культурные основы горских социумов и выражает их основные чаяния. А эта религия в её традиционном суннитском оформлении, терпящем кризис в России, сейчас испытывает сильнейшее давление со стороны фундаментализма. И виноваты в этом не только внешние факторы, но, прежде всего, внутрисоциальная ситуация в стране, находящаяся на критической грани.

Нам импонирует мысль Ю.Ю. Клычникова о том, что «Кавказская война» была сложнейшим и многовариантным модернизационным процессом, приведшим к вхождению в состав

[8] Дударев С.Л. К изучению специфики интегративного процесса у народов Северного Кавказа и Большой России. - С.28.

России[9], которая олицетворяет попытку уйти от тупиковой ситуации «Кавказской войны историографий». Тем не менее, нужно указать на то, что события XIX в. были, скорее, *началом поворота* к модернизации, нелегкого приспособления к российской «гражданственности». Модернизация же свершилась уже в советскую эпоху и выразилась в распространении поголовной грамотности, усвоении русской письменности и национального алфавита, основанного на кириллице (хотя были и попытки его латинизации), совместном обучении мальчиков и девочек, формировании национальной интеллигенции, пролетариата (с известной спецификой и оговорками), развитии промышленности, сельского хозяйства, основанных на современной индустриальной базе, и т.п. В дореволюционный период ко всему этому были сделаны только первые шаги. Впрочем, выше уже фактически говорилось о том, что данная модернизация не имела необратимо прочных корней в местных обществах, и сегодня мы наблюдаем лавинообразный рост архаики. Возможно, что нынешнее внутреннее положение северокавказских республик является своеобразным вариантом того, что мы видим на Ближнем Востоке, где хайтек (в нашем регионе можно говорить только о его отдельных элементах) сочетается со средневековыми порядками.

Важен и затронутый Ю.Ю. Клычниковым вопрос о персонификации событий «Кавказской войны». Фигуры её знаковых участников с обеих сторон весьма популярны в регионе. Закономерно, и об этом пишет автор, что имам Шамиль и его сподвижники остаются героями, противостоявшими России (см. выше). Но столь же понятно и стремление русской части северокавказской аудитории возвысить роль А.П. Ермолова и др. И дело не в том, что ей-де владеют шовинистические настроения. Если одна часть общества Северного Кавказа имеет кумиров, то другая также должна ими располагать. Ибо если заклеймить

[9] Дударев С.Л. Размышления об историческом опыте «горской модернизации»// Российский Северный Кавказ: проблемы социально-политического развития и исторического выбора. Материалы 18-го семинара Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. – Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2013. – С.36-40.

А.П. Ермолова, А.А. Вельяминова, Г.Х. Засса, Н.И. Евдокимова и мн. др. в качестве «кровавых палачей» и т.п., то получится, что российский Северный Кавказ – это творение поработителей горских народов (которые, тем не менее, получили от России новые науку, просвещение, культуру, позволившие подняться на новый исторический уровень). Как в таком регионе жить русским? Бесконечно каяться за «преступления» своих предков? Но это значит поставить себя в положение «вечно виноватых». На такой основе Российского Северного Кавказа XXI в. не построить[10]. Мудро поступили в г. Мехико, где на одной из площадей установлена мемориальная доска, надпись на которой гласит, что приход завоевателей с Иберийского полуострова в Америку не должен считаться ни победой, ни поражением, а мучительным рождением сегодняшней Мексики[11].

Одним из ключевых блоков проблематики т.н. «Кавказской войны» является тема мухаджирства и «геноцида» адыгов как интегральная для черкесского вопроса. Вина за эти события, как отмечает автор, возлагается теми или иными кавказоведами, а также адыгской общественностью «преимущественно на царскую (русскую) власть». Данная тема многократно затрагивалась в печати и в сети Интернет, особенно в связи с Сочинской Олимпиадой. Нет нужды в том, чтобы вновь подробно касаться этого вопроса. Мы убеждены, что причины мухаджирства были связаны с целым рядом причин как внутриадыгского, так и внешнеполитического (по отношению к их сообществам) характера, которые хорошо известны[12]. К внутренним причинам мы недавно отнесли и такое парадоксальное обстоятельство, как слабый уровень исламизации адыгского общества[13]. Сыграли

---

[10] Дударев С.Л. Образ А.П. Ермолова на рубеже XX-XXI вв. // Вестник архивиста Кубани. № 4. - Краснодар, 2009. - С.71-75.

[11] Казула Ф.Ч. Третий подход к истории. – Пиза, 2001. - С.83.

[12] Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829-1864. Политика, война, дипломатия. – М.: Рубежи, 2009. – С.442-449.

[13] Дударев С.Л. О специфике исламизации Северо-Западного Кавказа в 1830 – начале 1860-х гг. // Материалы III Международного форума историков-кавказоведов «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства» (17 ноября 2015 г., г. Ростов-на-Дону) / Отв. ред. Черноус В.В. – Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2015. – С. 148.

также свою трагическую роль форсмажорные обстоятельства, над которыми была не властна ни одна сторона (лавинообразное движение масс горцев в Османскую империю). Они удивительно напоминают нам самопроизвольное возвращение чеченцев и ингушей на историческую родину после восстановления государственности этих народов. Совершенно правомерное стремление вайнахов на родную землю было стихийным, обвальным, не подготовленным властями и никак ими не контролируемым. В результате жестоко пострадали те, кто жил на землях чеченцев и ингушей в 1944-1957 гг., будучи совершенно неповинными в антигуманных деяниях сталинизма…

Автор абсолютно прав в том, что в таком деле, как изучение и пропаганда конструктивного взгляда на историю, огромную роль играют НИИ, существующие в национальных республиках, но отсутствующие в Ставропольском и Краснодарском краях. Пренебрежение интеллектуальными ресурсами этих субъектов для решения острейших вопросов идеологической, воспитательной работы с населением Северного Кавказа – это огромное упущение местных властей, которые не осознают роли воспитания историей в обществе.

Высоко оценивая в целом работу, проделанную Ю.Ю. Клычниковым, рекомендуем ему завершить ее конкретными предложениями руководству СКФО, руководителям его краёв и областей о развитии исторической науки на Северном Кавказе как эффективного инструмента воздействия на сознание наших современников.

Книга Ю.Ю. Клычникова открывает новый научный сериал «Известия Кавказоведческой научно-педагогической Школы В.Б. Виноградова», как продолжение деятельности известного на Северном Кавказе и в России сообщества ученых, немало сделавшего для сохранения русско-северокавказского историко-культурного и политического единства.

Фактор насилия в северокавказской политической практике: история и современность

Vim vi repellere licet[14].
(Одно из положений римского гражданского права)

Насилие было и остаётся одним из значимых аргументов в политической практике на Северном Кавказе. Попытки «монополизировать» это право со стороны государства пока являются тщетными. Пространство нелегитимного насилия может сужаться, но никогда полностью не исчезает, тем более что в условиях региона оно опирается на традиции героизировать такую деятельность. Наличие многочисленных социально-экономических проблем становится «питательной средой» для воспроизводства местных «робин гудов», которые могут выступать альтернативой государственной власти в «борьбе за справедливость».

Процесс встраивания региона в державное пространство России проходил болезненно и противоречиво. События, известные как «Кавказская война», никогда не были обделены вниманием исследователей. Тяжёлый кризис в русско-северокавказских отношениях в итоге не стал фатальным тупиком и был преодолён, хотя и не без тяжёлых утрат для всех его участников. Анализ целей, принципов и методов российской политики в регионе позволяет утверждать, что в качестве её приоритетов было обеспечение здесь мирного сосуществования всех без исключения народов, основывающегося на универсалистских имперских началах[15].

Широко применявшееся с обеих сторон насилие было продиктовано вполне объективными причинами. Отмечается, что «не подлежит сомнению экспансионизм политики России в этом регионе, так же как и в ряде других регионов в эпоху ново-

[14] Насилие позволяется отражать силой (лат).

[15] Великая Н.Н. Национальная политика России на Северном Кавказе в первой половине XIX в. // Межэтническое взаимодействие в России: исторический аспект, проблемы и перспективы развития / Под ред. А.И. Шаповалова. – Краснодар: ЭДВИ, 2013. - С.81-100.

го времени. Методы и средства, к которым обращалась наступающая сторона, были далеки от гуманных. Но подобную тактику не в последнюю очередь определяла обороняющаяся сторона, которая сама выступала как действенная система, ориентированная на внешнюю активность. Планомерная жестокость России в покорении края была вызвана к жизни упорной борьбой горцев, но наряду с этим и провоцировалась их приверженностью «атакующему стилю». <…> Регулярные боевые рейды отрядов «смельчаков» на кордонную линию и в тыл русской армии являлись не только актами возмездия, но служили своего рода подпиткой устоявшемуся укладу жизни местного населения»[16]. В горских набегах статусность и материальная заинтересованность, как правило, превалировали над военно-политическими задачами[17]. Возник этот уклад задолго до того, как здесь активизировалась Россия, вынужденная в итоге реагировать на такую специфику местных реалий[18].

По мере распространения российских судебно-административных порядков население Северного Кавказа столкнулось с далеко не всегда эффективным способом разрешения социально-экономических споров и криминально-бытовых конфликтов, без которых, естественно, не обходится любое общество. Привычные и овеянные традицией «рецепты» новая власть запрещала, а потому выглядела раздражающе несправедливой. Те, кто бросал ей вызов, могли рассчитывать как минимум на симпатию со стороны земляков, которые к тому же априори считали правым «своего», какие бы поступки он ни совершал по отношению к «чужим». Отсюда тот ареол романтизма, окружавший личности абреков, действия которых, несмотря на криминальную подоплёку, трактовались как заступничество за «униженных и оскорблённых». Абреки стали одними из пер-

[16] Карпов Ю.Ю. Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа // Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. – СПб.: «Наука», 2001. - С.235, 236.

[17] Дмитриев В.А. Насильственные действия и их проявления в традиционном и современном социоре адыгов // Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. – СПб.: «Наука», 2001. - С.340-343.

[18] Карпов Ю.Ю. Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа. - С.258.

вых, кто сделал ставку на террор в отстаивании собственных интересов. Говорить о наличии у этой категории людей ясных взглядов и чётко сформулированных идей не приходится. Каждый из них исходил из собственного понимания правоты. Объединяли абреков лишь методы отстаивания своих интересов, основывавшиеся на грабеже и физическом устранении противников. Нередко политическую окраску их поступкам придавали окружающие, тогда как сами «романтики с большой дороги» о подобных высоких материях даже не задумывались. Впрочем, уже тогда криминальным акциям могли придать религиозное или этническое звучание, что делало их более «престижными» свершениями, нежели банальный бандитизм[19].

По мере врастания горских социумов в российское державное пространство менялся и облик тех его представителей, которые не находили себя в установившемся правовом поле. Они продолжали использовать насилие в качестве аргумента, но стали придавать ему иное звучание. Нередко наследники абреков заявляли, что своими поступками они добиваются освобождения «порабощенных» земляков. Разрабатывались соответствующие политические программы, привлекалась внешняя помощь со стороны сил, враждебных Российской Империи, а затем и СССР. Для рекрутирования новых сторонников как нельзя лучше подходил политизированный ислам, чей экспансионизм и призыв бороться с неверными, доказавший свою эффективность и состоятельность в прошлом[20], оказался весьма востребованным и в новых исторических обстоятельствах.

Реалии советского модернизационного проекта порождали массу недовольства со стороны горцев. Несмотря на различные преференции от новой власти, они не успевали встраиваться в стремительно меняющийся мир, который вызывал ещё больше отторжения. Получивший в годы Гражданской войны

---

[19] Духаев А. Абреки из Притеречья. – Лаха-Неврe, 2002; Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2004.

[20] Тодуа З. Экспансия исламистов на Кавказе и в Центральной Азии. – М.: «ИН-ОКТАВО», 2006. - С.16; Цмай В.В. Некоторые аспекты концепции насилия в арабо-мусульманской культуре // Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. – СПб.: «Наука», 2001. – С.263, 268, 269.

второе дыхание набеговый промысел жёстко карался государством, порождая новые недовольства. Многочисленные вооружённые выступления, которые мы видим в предвоенный период, были тому ярким подтверждением. Власть, поставленная в экстремальных условиях войны на грань выживания, пошла на крайние меры и даже организовала депортацию с территории Северного Кавказа ряда этносов, в лояльности которых она сомневалась. Несмотря на их последующее возвращение, произошедшее не могло не привести к новым претензиям и обидам, которые выплеснулись в виде криминальной волны, захлестнувшей регион[21].

С ликвидацией Советского Союза и из-за временного «паралича» правоохранительных органов неинституциональное насилие вновь вернулось в местную практику. «Этнический ренессанс» сделал востребованным привычные формы регуляции как внутри социума, так и в его взаимоотношениях с соседями[22]. Усилилась групповая сплоченность, в которой доминировала этническая идентичность, основывающаяся на непримиримом противопоставлении «Мы –Они». Особенно это проявилось на той территории, которая de facto вышла из-под контроля государства. Неудивительно, что на столь подготовленную почву легли зёрна исламского фундаментализма, который уже давно и весьма успешно практикует террор как метод достижения своих целей.

Значительная часть местных религиозных деятелей, пройдя обучение в зарубежных исламских центрах, в том числе оплоте ваххабизма – Саудовской Аравии, начали подготовку своей паствы к джихаду. Идеи «богоугодного» грабежа и насилия, практикуемые среди сторонников этого радикалистского учения[23], нашли своих приверженцев далеко за пределами очага

---

[21] Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.). Исторические очерки. – М.: ЛЕНАНД, 2015. - С.257-260.

[22] Дмитриев В.А. Насильственные действия и их проявления в традиционном и современном социоре адыгов // Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. – СПб.: «Наука», 2001. - С.332-333.

[23] Щербаков А. Терроризм. Война без правил. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2012. - С.389.

его возникновения. Они оказались весьма близки по духу и имели схожие исторические параллели в северокавказском прошлом, уже знавшем феномен распространения мюридизма с его лозунгом обрести «рай под сенью сабель».

В таких условиях проводить экономические и социокультурные преобразования на Северном Кавказе оказалось трудноосуществимой и затратной задачей, тем более что традиционно этатистское население в лице русских (славян) в разной степени было выдавлено из национальных республик[24]. В экспертной среде звучат небезосновательные заявления о том, что «процесс этнокультурной интеграции данного региона в состав России через укоренение в нём русского (и шире – русскоязычного) населения в целом потерпел неудачу»[25]. Не последнюю роль в этом сыграла историческая наука, которую активно использовали для оправдания этого процесса.

Как правило, насилие, в том числе и политическое, связано с необходимостью его первоначального «проговаривания»[26]. Для этого привлекаются интеллектуалы, обеспечивающие его соответствующим дискурсом, в том числе и историческим. Отмечается, что «словесная подготовка вооружённого сопротивления в Чечне началась с его вербальной легитимации, когда в качестве руководства к действию были взяты лозунги «национальной революции» или «национального самоопределения» и целый набор идеологических постулатов о «геноциде», «народоубийстве» и «имперском господстве России» <…> На научных конференциях, посвящённых разным деятелям «национально-освободительного движения», звучала не только мифологическая апологетика прошлого (пришедшая на смену советской цензурной версии), но и откровенные призывы продолжить

[24] Клычников Ю.Ю. Перспективы очередного модернизационного обновления Северного Кавказа // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск, 2013. - №3. - С.227-233.

[25] Сущий С.Я. Северный Кавказ: Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. - М.: ЛЕНАНД, 2013. - С.32.

[26] Тишков В.А. Теория и практика насилия // Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. – СПб.: «Наука», 2001. - С.9.

«дело освобождения», начатое в прошлые века»[27]. Заложниками такого подхода стали не только русские жители национальных республик. «Усмешка» истории заключалась в том, что многие местные «высоколобые прорицатели», столкнувшись с реалиями «национально-освободительного ренессанса», предпочли потом любить свою малую Родину из Москвы.

Тем не менее, практика использования мобилизационного ресурса, заложенного в исторической памяти, по-прежнему активно эксплуатируется и приносит вполне ощутимые дивиденды. Это объясняет «появление в средствах массовой информации материалов исторического, аналитического, публицистического характера, обосновывающих необходимость дополнительных дотаций и преференций от государства под предлогом ущемления прав этнической группы в прошлом»[28]. Примеры из прошлого, которые оказывали бы сильное эмоциональное воз-

[27] Там же. - С.17. Любопытно, что сам автор этого вывода, видимо, на всякий случай осуждает альтернативную попытку использовать исторические примеры позитивных сторон русско-вайнахских отношений в политической практике. С присущей ему «интеллектуальной гибкостью» в другой своей работе он отмечает: «Кроме языка особую актуальность обрёл исторический дискурс, обсуждение версии чеченской истории. Пожалуй, нигде на территории бывшего СССР официальные трактовки добровольного вхождения (присоединения) народов (территорий) в состав России не нашли такого сильного отторжения, как в Грозном среди Чечено-Ингушской интеллигенции. **Я не изучал этот вопрос специально, но склонен полагать** (выделено нами. – Ю.К.), что столь сильная реакция и столь явная вовлечённость в исторические реинтерпритации (не только по вопросу вхождения) были спровоцированы конкретными лицами и вполне устраиваемыми «событиями». Особую роль сыграла напористость и безапеляционность шовинистически настроенного местного учёного В.Б. Виноградова – археолога, взявшегося при поддержке обкома за построение официальной версии Чечено-Ингушетии, когда среди самих чеченцев уже появились авторитетные исследователи и вышли серьёзные научные труды. Особое отторжение вызывал тезис о «добровольном вхождении Чечни в состав России» (Тишков В.А. Общество в вооружённом конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука, 2001. - С.132).

[28] Авксентьев В.А., Зинев С.Н., Лавриненко Д.А., Лепилкина О.И., Майборода Э.Т. Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. - С.50.

действие на население, могут, в случае необходимости, либо вольно интерпретироваться, либо создаваться искусственно[29].

Неизбежные трудности и просчеты, которые могут и будут допускаться федеральной властью на Северном Кавказе, предоставляют аргументы её критикам из числа «хронической» оппозиции не только в национальных республиках, но и далеко за их пределами, особенно в столичных центрах. Предпочитающая для себя удобную и комфортную нишу профессиональных ниспровергателей, такая оппозиция охотно содержится иностранными спонсорами. Для них «Кавказ – это географическое место, где продолжается колониальная история России, единственное место, где Россия может себя вести, а точнее – не может себя не вести как колониальная держава»[30].

В одной из статей, любезно профинансированной Международным фондом Ирины Альберти (Fondazione Internazionale Irina Alberti) и вышедшей за три года до грузинского вторжения в Южную Осетию, представитель таких оппонентов заявлял, что «появление же американских военных в Грузии есть уже прямое противостояние российским намерениям и в этом смысле – очередное обозначение Кавказа как предела, барьера для российской экспансии…»[31]. Таким образом, Россия априори выступает носителем негативных устремлений, а её противники вынуждены реагировать на потенциальные угрозы, с ними связанные. При этом неважно, что для России Кавказ не только ближнее зарубежье, но и часть её территории, а трактовка американских интересов в столь отдалённом от США регионе также нуждается

[29] Ибрагимов М. На юго-востоке Чечни открыт памятник девушкам, погибшим во время Кавказской войны URL: http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/230155/ (дата обращения 20.09.2013); Нерсесов Ю. Памятник чеченским эльфийкам URL: http://www.apn.ru/publications/article30119.htm (дата обращения 20.09.2013); Клычников Ю.Ю. К оценке доказательной базы событий в с. Хайбах в феврале 1944 г. // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – VII. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 12-13 декабря 2014 г. – Пятигорск: ПГЛУ, 2014. - С.104-109.

[30] Левинсон А. «Кавказ» подо мною. Краткие заметки по формированию и практическому использованию «образа врага» в отношении «лиц кавказской национальности» // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Кондратова. – М.: ОГИ, 2005. - С.283.

[31] Там же.

в аргументации. Не утруждаясь доказательством того, на основании каких сведений происходит оценка российских намерений, такой подход позволяет **любые** её усилия трактовать как агрессивные и враждебные.

Любопытно, какие термины применяет автор, оценивая длительные, многовековые контакты русской культуры и культуры местных народов: «…Кавказ был зоной культурных контактов. Российская (степная, лесная, северная, словом континентальная) культура *якшалась* с культурой, которая была, прежде всего, фундаментально «другой». При этом, в отличие от «других», на северной и восточной границах советской ойкумены (и наподобие таковой на западной границе) она была заряжена более высоким потенциалом. И потому была притягательна»[32]. Такая критика «ущербной» российской культуры, которая «якшалась» с «высокопотенциальной» культурой «других», демонстрирует желание убедить читателя в изначальной нежизнеспособности и враждебности для местных народов российских усилий на Кавказе. Для отечественного обывателя, по мнению выразителя подобных идей, это по-прежнему «экзотическая страна», и «переход в собственность России (сперва империи, а затем СССР) Кавказа, населённого, что ясно, людьми из другой части мира, как и следующие из этого права «нас» на «их» ресурсы, там были тогда обоснованы не «нашими» эгоистическими (по-нынешнему – национальными) интересами, а «их» интересом и пользой: «если бы не мы, они бы не приобщились…»[33]. Смакование негатива русско-северокавказских отношений в подобных работах является продолжением практики «войны памяти», и, безусловно, найдёт заинтересованного в таких идеях потребителя как непосредственно на Кавказе, так и за его пределами.

Особое раздражение внесистемной оппозиции вызывают силовые институты власти. Их применение даже в том случае, когда необходимо остановить террор, воспринимается не иначе как проявление реваншизма, необходимого «для ревитализации всей управляющей системы общества», следствие «ущемлённой

[32] Там же.
[33] Там же. – С.286.

агрессивности»[34], или же «поход российских военных за общественным признанием и авторитетом…»[35]. Так, по крайней мере, были оценены контртеррористические усилия в Чечне.

Всячески подчёркивается некомпетентность спецслужб, неэффективность проводимой работы по сравнению с затрачиваемыми на их содержание средствами. Общий вывод о работе Федеральной службы безопасности безапелляционен: «Она занята защитой авторитарного режима, подотчётна только высшей власти, непроницаема, коррумпирована, использует жестокие методы в борьбе с теми, кого подозревает в терроризме или инакомыслии»[36]. Таким образом, в глазах общественности работа сотрудников службы безопасности должна вызывать отторжение и осуждение, подрывать моральное право государства на монопольное применение насилия.

Колоссальное значение для популяризации террористической практики на Северном Кавказе имели средства массовой информации. Доходило до того, что ведущие телеканалы страны предоставляли свой эфир для лидеров бандформирований, по существу «рекламировавших» свои идеи и себя лично[37]. Табуирование подобной информации расценивалось как покушение на свободу слова. Новоявленная демократия в России долгое время выглядела как вседозволенность, чем не преминула воспользоваться «четвёртая власть», падкая в силу профессиональных интересов на сенсации. В такой обстановке игнорировалась одна из базовых целей террора – добиться публичности, чем и воспользовались сторонники «страха и ужаса»[38]. Они с максимальной эффективностью взяли на вооружение «инфраструктуру современной цивилизации», а также столь популярные в по-

[34] Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Кондратова. – М.: ОГИ, 2005. – С.10.
[35] Левинсон А. Указ. соч. – С.299.
[36] Солдатов А., Бороган И. Новое дворянство: очерки истории ФСБ / авторизованный пер. с англ. О. Литвиновой. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. - С.11. Данная работа была опубликована с разрешения издательства Public Affairs, an imprint of the Perseus Books Inc. (США).
[37] Сайдаев И. Муравьиная работа или развенчание «чеченского Геббельса». – Ростов-на-Дону: Изд-во Марат, 2014. – С.35.
[38] Щербаков А. Указ. соч. - С.7.

следнее время рассуждения о толерантности, и «успешно используют энергию и потенциал своих противников в своих интересах»[39].

По мере развития средств коммуникации эта проблема будет только осложняться. Уже сейчас «те функции, которые ранее возлагались на традиционные СМИ – быть информатором, коммуникатором, способствовать установлению социального диалога, для современной молодёжи с успехом заменяют новые каналы коммуникации, в частности, социальные сети»[40]. С их помощью успешно осуществляется вербовка в ряды террористических организаций. Пока же «официальная власть в регионе использует преимущественно традиционные СМИ, которые утрачивают свои позиции в информационном пространстве и на современном этапе уже не позволяют эффективно проводить государственную информационную политику, ориентированную на все группы населения. Приверженцы традиционных СМИ, как правило, люди старшего возраста, которые одновременно являются и носителями традиционной морали, и государственниками. Они в меньшей степени нуждаются в выработке основ мировоззрения и формировании убеждений. В то же время молодёжь, ищущая ориентиров в духовном и нравственном становлении, остаётся во многом вне поля информационных действий региональной власти»[41]. Отсутствие редакционной табуированности, а зачастую и нравственных запретов делает отдельного блогера-любителя серьёзным конкурентом для профессиональных журналистов, в том числе в освещении тем, связанных с проблемой применения насилия[42].

---

[39] Тодуа З. Указ. соч. - С.7-8, 24.

[40] Авксентьев В.А., Зинев С.Н., Лавриненко Д.А., Лепилкина О.И., Майборода Э.Т. Указ. соч. - С.145.

[41] Там же. - С.146.

[42] Вызывает интерес социологический опрос, проведённый на сайте Всероссийской конференции «ИГИЛ. Информационно-психологическое противодействие терроризму на Северном Кавказе» (2015 г.) и опубликованный Министерством печати и информации Республики Дагестан. На вопрос: «Откуда Вы узнаёте о текущем положении дел в российском и мировом исламском обществе?» **40%** респондентов ответило, что из социальных сетей, а **42%** - из российских СМИ общей направленности.

Как показывает мировой опыт борьбы с террором, полностью уничтожить это явление невозможно. Этот опасный вирус всегда будет пробовать на прочность государственный организм, зарождаться там, где возникают язвы социального неблагополучия и правового нигилизма. При отсутствии реальных рычагов отстаивания интересов всех слоёв общества всегда будут находиться те, кто готов бросить вызов несовершенному миру. Как правило, носители таких жертвенных идей мало задумываются над эффективностью своих поступков, сводя жизненную философию к простой формуле Марка Порция Катона Старшего «Ceterum censeo Carhtaginem esse delendam» (Кроме того, я думаю, что Карфаген необходимо разрушить).

Это не означает, что следует отказаться от попыток искоренения «внушающих ужас». Далеко не все среди выбравших подобную стезю способны вернуться к мирной жизни и воспринять доводы разума. Ликвидация таких непримиримых – это задача спецслужб, эффективная работа которых лишь создаёт условия для воздействия на среду, порождающую данное явление. Дальше должны работать управленческие структуры, экономика и культура. Терроризм – это во многом свидетельство их просчётов и недоработки, неадекватности требованиям времени.

Власти вполне адекватно воспринимают весь комплекс проблем, присущий Северному Кавказу. На расширенном совещании Президента с членами Совета безопасности, проходившем в Махачкале в июне 2009 г., были обозначены те «болевые точки», которые характерны для региона. К их числу относятся коррупция и безработица, низкая эффективность местного управленческого аппарата, этноклановость, хроническая дотационность и зависимость от федерального финансирования, низкий уровень развития промышленности и т.п. социально-экономические проблемы, способствующие расцвету экстремизма и активизации бандподполья[43]. По крайней мере, в теории имеется осознание необходимости решать эти проблемы в комплексе. На практике осуществить это гораздо сложнее и ожидать скорых результатов не приходится, тем более что многие

[43] Сущий С.Я. Указ. соч. - С.6-7.

шаги властей имеют скорее имитационный, чем реальный характер[44].

Переживаемый в настоящее время процесс модернизации (вестернизации?) России наряду с позитивным заделом имеет массу негативных издержек. Раскрепощённость индивидуума, создание условий для его творческой реализации оборотной стороной имеют внедрение неприемлемых культурно-нравственных установок, которые ведут к демографической депопуляции общества. Всё это вызывает протест и сопротивление со стороны народов Северного Кавказа, которые в силу своей относительной малочисленности не могут позволить себе такие социокультурные эксперименты, как, например, русские, «платящие» за это ускоренным вымиранием[45]. Это становится ещё одним долговременным фактором, который способствует формированию на Кавказе устойчивой протестной среды, подпитывающей и воспроизводящей экстремистскую практику[46].

Кроме того, активно пропагандируемые ценности европейской демократии дали на Северном Кавказе неожиданные социально-ментальные мутации. Отмечается, что «западная либеральная философия, благословляющая свободную и естественную конкуренцию между людьми за место под солнцем, спровоцировала на Северном Кавказе возрождение деструктивных социально-культурных кодов и поведенческих норм, принятых в патриархально-родовую эпоху. Наиболее порочные заимствования у Запада дали на северокавказской почве буйные всходы, в том числе в виде нового издания старого кодекса кавказского молодчества: воровать у чужих не стыдно, а украсть миллионы средь бела дня и не от кого не таиться – это уже джигитовка высочайшего класса»[47].

Сохраняющееся экономическое иждивенчество северокавказских субъектов несёт в себе угрозу раздражения подоб-

---

[44] Там же. - С.12.
[45] Там же. - С.9.
[46] Стародубовская И.В., Соколов Д.В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. - С.15.
[47] Дегоев В., Ибрагимов Р. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию, или Повестка дня на вчера. – М.: Издательский дом «Империум – XXI век», 2006. - С.18.

ным положением вещей со стороны русского большинства федерации. Обращается внимание на реальный и декларируемый уровень благосостояния, когда «расхожий миф о бедности северокавказского населения» опровергается фактами достаточно высокого достатка, обеспечиваемого нередко участием в неформальном секторе экономики[48]. Уже сейчас небезосновательные претензии к «кавказскому миру» достаточно обширны[49]. В дискурсах массовой культуры этот конфликт приобретает черты естественности и исторической репрезентативности[50].

На Кавказ нередко смотрят как на источник проблем и обузу. Носителями антикавказских настроений являются не только те, кто вынужден был покинуть национальные республики или был участником антитеррористических операций в регионе. Кавказ «пришёл» в дом к обывателю в лице этнических криминальных группировок или молодёжных групп, чьё брутальное самоутверждение, присущее определённому этапу социализации, вызвало волну враждебности, а порой и ксенофобии[51]. По-своему оправданное нежелание властей признавать за

---

[48] Там же. - С.16.

[49] Кавказ 2011. Русский взгляд. – М.: Фонд РОД, 2011. – 64 с.

[50] Зверева Г. Чеченская война в дискурсах массовой культуры России: формы репрезентации врага // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Кондратова. – М.: ОГИ, 2005. - С.302-335.

[51] Блинова Е., Симакин Д. Москва мигрантская. URL: http:// dialogs.org.ua/issue_full.php?m_id=4675 (дата обращения 4.11.2015); Соколов-Митрич Д. Нетаджикские девочки. Нечеченские мальчики. – М.: Яуза-пресс, 2007; Дударев С.Л. К изучению специфики интегративного процесса у народов Северного Кавказа и Большой России в XVIII – начала XXI в. – Армавир: Дизайн-студия Б, 2013. - С.39-41. Вызывает интерес и взгляд на проблему одного из представителей народов Северного Кавказа, который успешно адаптировался в «русской» среде благодаря своим деловым и, судя по всему, человеческим качествам: «-Что думаешь по поводу всё более нарастающих антикавказских настроений в России?

-Я скажу так: мы сами виноваты в том, что к нам так относятся. Будь я москвичом, я бы, наверное, сам ненавидел всех приезжих. Меня раздражает эта лезгинка в метро и на площадях, религиозные выкрики рядом с клубами… как так можно. А потом люди, которые так себя вели жалуются: нас почему-то не любят. Ну конечно, не любят. А чего вы хотели? Чтобы нас там с распростёртыми объятьями ждали? Просто зайди для интереса в «ютуб» и задай «кавказцы в Москве», сразу увидишь, с чего начинается проблема. Проблема в воспитании. Когда наши парни уезжают за пределы республики, возникает такое

происходящими столкновениями национальную подоплёку и акцентировать внимание на имеющихся противоречиях проблемы не решило. Как следствие – «в обществе складывается эффект переполненной чаши терпения, когда становится очевидным, что замалчивать этнические проблемы, продолжать редуцировать их до уровня хулиганских действий далее невозможно»[52].

В случае экономического кризиса и сопутствующих ему социальных неурядиц антикавказские настроения могут быть использованы в политических целях. Они способны мобилизовать немалую часть населения и перенаправить его протестный накал на борьбу с «инородцами», что мы видим на примере лозунга «Хватит кормить Кавказ!». Вероятность столкновения с волной «блоковых конфликтов», по своей природе являющихся совокупностью разнородных конфликтных процессов, включая и межнациональные, которые сыграют роль катализатора или запала, высока и может иметь фатальные последствия[53].

Таким образом, вполне здравый замысел по комплексному развитию региона, подкрепляемый внушительными инвестициями в экономику и социальную сферу, в итоге порождает новую проблему, разрушительные последствия которой могут быть куда ощутимее. Латентная, а нередко и открытая неприязнь со стороны «русского мира» отталкивает кавказцев, также способствуя их радикализации[54].

ощущение, что они «ключ от задницы потеряли», уж извини за грубое выражение. В том, что нас не любят, нужно винить на самих. Мы сами расплодили на своей земле бардак. Мы дерёмся и убиваем друг друга. Почему бы нам не начать с самолечения своих мозгов. Не нужно строить из себя религиозных знатоков, после прочтения пары абзацев из книжки об Исламе, неведомо кем и как трактованной. А у нас это любят. А потом происходят взрывы. Нужно искать проблему не в чужих людях, и чужих городах. А у себя дома. В своих головах». (Джабар Аскеров, чемпион Европы по тайскому боксу). URL: https://twitter.com/ComradZampolit/status/621627888920453120 (Дата обращения 4.12.2015).

[52] Авксентьев В.А., Зинев С.Н., Лавриненко Д.А., Лепилкина О.И., Майборода Э.Т. Указ. соч. - С.7.

[53] Там же. - С.10.

[54] Левинсон А. Указ. соч. - С.276-277; Стародубовская И.В., Соколов Д.В. Указ. соч. - С.31.

Однако реальной альтернативы трудоустройства, кроме как в «русских» регионах, у выходцев из республик Северного Кавказа просто нет. На своей «малой Родине» спрос на рынке труда многократно превысил предложение[55]. Создание производственной базы, способной поглотить такие излишки населения, пока не предвидится. Хотя определённые подвижки в этом направлении всё же существуют, но общей ситуации изменить не могут[56]. В среднесрочной перспективе поток трудовой миграции вряд ли иссякнет. А наряду с этим сохранится и теневой, криминальный сектор экономики, который прочно закрепился в регионе[57]. Покушение на него со стороны правоохранительных структур при отсутствии для населения реальной альтернативы лишь усилит положение внесистемной оппозиции, позволит вербовать всё новых сторонников.

Не следует забывать, что на Северном Кавказе сохраняется перманентная внутрирегиональная социоэтническая напряжённость, которая при неблагоприятной внешней конъюнктуре выливается в этнорадикализм[58]. Она касается не только взаимоотношений между разными народами, но и присуща одному этносу, в рамках которого начинается внутриклановое противостояние. Неудивительно, что на фоне таких процессов звучат призывы «обратиться к варягам», которые будут не ангажированы при принятии решений. У гаранта Конституции просят, «чтобы он главой республики (*речь идёт о Республике Дагестан. – Ю.К.*) назначил русского. Из детдома. Без родственников, без клана. Ведь по сути дела все проблемы в республике из-за клановости, из-за коррупции…»[59]. Но захочет ли пойти на это Москва, которую и без того выставляют главной виновницей местных неурядиц? Пытаясь навести порядок в рес-

[55] Дегоев В., Ибрагимов Р. Указ. соч. - С.16.
[56] Матишов Г.Г., Авксентьев В.А., Батиев Л.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. - С.210.
[57] Там же. - С.190-191.
[58] Сущий С.Я. Указ. соч. - С.86.
[59] Колчин Д. Хребты безвременья. Почему жители дагестанского посёлка Временный больше не чувствуют себя россиянами // Русский репортёр. - №21 (397). – 1-15 октября 2015. - С.20.

публике, власть вынужденно применяет силу, получая в ответ заявления, что «это образ действий, взятый на вооружение в Дагестане с приходом нового президента республики Рамазана Абдулатипова. Разумеется, не он инициировал случившееся. Он просто выполнял указания из центра»[60]. Стоит ли удивляться, что, пытаясь дистанцироваться от местных перманентных дрязг, федеральный центр принимает отнюдь не бесспорное решение создать самостоятельный Северо-Кавказский федеральный округ. В этой связи представляются оправданными опасения ряда экспертов о том, что такой шаг способствует усилению центробежных тенденций, лишний раз выпячивая «особость» Северного Кавказа, и «ставит под угрозу сложившуюся, хотя не очень прочную макроидентичность населения северокавказского макрорегиона»[61].

Примером может служить и Чечня, где после вытеснения невайнахского населения начались поиски «цьен нохчи вуй» («он чистых кровей») и «цьен нохчи вац» («он не чистых кровей»))[62]. Отмечается, что «дудаевский режим сорвал и растоптал тонкий покров цивилизации, в который с немалым трудом удалось облечь Чечню за годы её пребывания в составе России и СССР. Дудаев пробудил в народе забытые инстинкты, реанимировал, казалось бы, ушедшие в прошлое дикие традиции, в том числе самое главное из них – презрение к труду и добычу средств к существованию вооружённым насилием»[63].

Террористический шантаж был и остаётся эффективным рычагом воздействия на руководство государства со стороны его геополитических противников и конкурентов. Объявив бандформирования повстанцами и борцами за свободу и демократические ценности, можно парализовать эффективные силовые методы пресечения террористической угрозы. При этом будет сохраняться видимость нейтралитета в происходящем конфликте. Россия уже испытала такую практику на себе. Внешний

---

[60] Там же. - С.23.
[61] Авксентьев В.А., Зинев С.Н., Лавриненко Д.А., Лепилкина О.И., Майборода Э.Т. Указ. соч. - С.38-39.
[62] Сайдаев И. Указ. соч. – С.42.
[63] Тодуа З. Указ. соч. - С.44.

фактор, таким образом, будет неминуемо влиять на ситуацию в регионе. За локальными, на первый взгляд, конфликтами скрываются глобальные тенденции, и «в практическом смысле это означает, что региональные этнополитические конфликты являются своеобразным «мостиком», позволяющим нарушить суверенитет государства»[64].

Долгосрочный прогноз о перспективах внешнеполитической безопасности нашей страны неутешителен. Мы обречены столкнуться с возрастающей угрозой исламизма, надежды на конструктивный диалог с которым тщетны[65]. Рассчитывать на однозначную поддержку жителями Северного Кавказа борьбы с исламистским террором не приходится. Даже реакция на участие российских войск в борьбе с демонстративно омерзительной организацией ИГИЛ (Исламское государство) свидетельствует о серьёзном расколе среди местных жителей[66]. Рациональное объяснение поступков многих наших сограждан, готовых с оружием в руках встать в ряды «террористического интернационала», порой невозможно[67]. Одновременно наши усилия по его нейтрализации на своей территории будут трактоваться

[64] Авксентьев В.А., Зинев С.Н., Лавриненко Д.А., Лепилкина О.И., Майборода Э.Т. Указ. соч. - С.25.

[65] Енгибарян Р.В. «Время нас выбирает, всё остальное - мы…» // Литературная газета. - №36 (6478). – 17-23 сентября 2014 г. – С.11.

[66]Результаты опроса, проведённого на сайте Всероссийской конференции «ИГИЛ. Информационно-психологическое противодействие терроризму на Северном Кавказе» (2015 г.). – Б.м., б.г. – С.2,4.

[67] Представляется уместным привести ответы из интервью журналиста А. Рогаткина, данные им газете «Культура»: «культура: Что их-то туда (в ИГИЛ. – Ю.К.) гонит? Рогаткин: А нашу Варвару Караулову, студентку МГУ, что? Замыкание в голове должно быть. Все ведь видели ролики с жуткими расправами, нормальный человек к исламистам в услужение не пойдёт… Но мы были в Дагестане, там из села Гимры 211 человек уехали в ИГИЛ, семьями. Директор школы об этом рассказывает, а потом оказывается, что у него самого сын туда сбежал. Полное помешательство… У одного мужика благоверная с тремя дочками уехала, он отправился следом, добрался, нашёл, говорит, я правоверный мусульманин, даю жене развод, согласно шариату, а детей забираю себе. Что удивительно, его аргументы возымели действие». (Рогаткин А. «Все в один голос: «Путин, приди, Путин, спаси» // Культура. – 2015. - №42. – 4-10 декабря. – С.4).

странами, причисляющими себя к лагерю демократии (прежде всего – США), в самом негативном свете.

В то же время для северокавказского террористического подполья характерна самовоспроизводимость, а потому не приходится уповать на то, что, сумев перекрыть внешние источники подпитки, удастся справиться с этим явлением[68]. Местные реалии сами порождают эту практику, а иностранное вмешательство может лишь усилить позиции экстремистов. Заявления о происках «мирового терроризма» и иностранных спецслужб как главных виновников происходящих в регионе событий – скорее пропагандистский ход и дань комплиментарной риторике, нежели реальность[69].

Политизация религии уже не раз в истории региона демонстрировала способность мобилизовать массы для вооружённого противостояния[70]. В качестве врага при этом выступали не только иноконфессиональные силы, но даже единоверцы, которые не соответствовали «истинному канону». В условиях региона ислам быстро растерял свою надэтническую суть и сделался «ещё одним значимым фактором размежевания и внутренней поляризации республиканских сообществ»[71]. Примечательно, что ряды террористов на Северном Кавказе пополняют не только сторонники «чистого ислама» (ваххабиты), но и те, кто придерживается ислама традиционного, по факту не менее политизированного. Исследователи даже затрудняются сказать, кого из них в рядах бандподполья больше[72].

Местной политической и социокультурной практики, ментальной специфики присуще бескомпромиссное отстаивание собственных интересов. Это единственная возможность проти-

---

[68] Сущий С.Я. Указ. соч. – С.285-286.

[69] Увлечённость таким подходом демонстрирует упомянутая выше работа Ислама Сайдаева.

[70] Дегоев В.В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). – М.: Изд-во Модест Колеров, 2013. - С.31-40; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М.: «Росет», 1994. - С.182-234; Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала. (Исторические очерки) / Под ред. В.Б. Виноградова. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2006. - С.200-201.

[71] Сущий С.Я. Указ. соч. – С.225.

[72] Там же. – С.224-229.

востоять экспансии таких же не склонных к уступкам соседей. Все попытки со стороны государства изменить ситуацию успехом не увенчались. Советские идеалы интернационализма оказались бессильными перед архаикой. «Градус напряжённости» понижался, но конфликтная составляющая сохранялась, вновь давая о себе знать при ослаблении государственных институтов[73]. Найти в такой среде сторонников решительных шагов – вполне посильная задача, особенно если мотивировать это необходимостью жертвенного служения «высшей цели». Вывод о том, что «рост значимости представлений о враге всегда является производным усилий и движений с двух сторон – заинтересованных и относительно рационализированных интерпретацией господствующих элит и аморфных, разнородных массовых взглядов, объяснений, верований, суеверий, символов, традиционных элементов идентификации»[74], в большей степени проявляется именно на Кавказе.

В настоящий момент на Северном Кавказе, преимущественно в его восточной части, сохраняется значительное число людей, не способных (не желающих) интегрироваться в российское культурно-правовое пространство, и они будут «создавать и для России, и для самих республиканских обществ большие проблемы»[75]. Они не позволят обеспечить приоритет гражданских законов над «национальными понятиями» (последние, как показывает практика, оказываются зачастую эффективнее) и будут препятствовать этому «привычными» способами, в том числе в террористической и антитеррористической практике. Достаточно вспомнить полемику, возникшую на пресс-конференции Президента РФ В.В. Путина 18 декабря 2014 г. между журналистом телеканала «Дождь» К.А. Собчак и пресс-секретарём главы Чеченской Республики А.А. Каримовым по поводу законности действий местных властей в борьбе с пособниками бандитов[76]. Представляется, что формально справедли-

[73] Там же. - С.115-116.
[74] Гудков Л. Указ. соч. – С.11.
[75] Сущий С.Я. Указ. соч. – С.281-282.
[76] Стенограмма итоговой конференции Владимира Путина. URL: http://rg.ru/2014/12/18/stenogramma-site.html (дата обращения 11.01.2015).

вые призывы ограничить насилие в местной практике на деле буду игнорироваться при молчаливой (да и то не всегда) поддержке большинства населения, которое предпочтёт реальную защиту своих интересов абстрактным рассуждениям о гуманизме и праве.

Если вспомнить примеры из не столь уж далёкого прошлого, когда в «независимой Ичкерии» практиковались публичные казни, волны возмущений это не вызвало[77]. Толпа зевак на площади не без интереса наблюдала зрелище расстрела, а если доверять якобы проведённому тогда социологическому опросу, до 90% респондентов с одобрением отнеслись к такому наказанию, а 84% хотели продолжения подобной практики[78].

Сформировавшаяся и закрепившаяся в сознании «культура насилия» легитимизирует в глазах людей такие способы решения проблемы. И связано это не только с политической борьбой, но и с решением бытовых конфликтов[79].

Наиболее активно террористическая практика проявляет себя на северо-востоке региона. Можно утверждать, что её уровень напрямую зависит от степени архаизации общества, которое, втягиваясь в процесс модернизационной трансформации, реагирует на него таким образом. Кавказ уже сталкивался с подобным явлением. Вторая половина XIX столетия, ознаменованная завершением вооружённого противостоянием в крае, была периодом активного вовлечения местных сообществ в капиталистическое хозяйство. Найти себя в новых условиях оказалось посильной задачей далеко не для всех. Социальные изменения вели к маргинализации общества. В поисках выхода из тупиковой для себя ситуации часть местных пассионариев стала на путь насилия, превратившись, как уже говорилось выше, в

[77] Камышев Д. Ещё одна публичная смертная казнь в Чечне // Коммерсант. - №158. – 19.09.97. URL: http://kommersant.ru/doc/184287 (дата обращения 7.05.2015).

[78] Максаков И. Публичная казнь резко осуждена // Электронная версия «НГ» (ЭВНГ). №177 от 20 сентября 1997 г. URL: http://uni-potsdam.de/u/slavistik/zarchiv/0997m/k177-16.htm (дата обращения 7.05.2015).

[79] Стародубовская И.В., Соколов Д.В. Указ. соч. - С.65, 173.

абреков. Ожидать, что нынешние изменения обойдутся без схожих социальных девиаций, не приходится.

Есть ещё один важнейший фактор, который связан с «потерянным поколением». Всплеск насилия «в значительной степени предопределён достижением совершеннолетия генерацией республиканской молодёжи, первые этапы социализации которой пришлись на 90-е гг. XX в. – пик этнополитического и социально-экономического кризиса в регионе»[80]. Среди них есть и те, кто получил опыт вооруженной борьбы против государства, и сейчас он востребован не только в Российской Федерации, но и за её пределами, например в Сирии или на Украине[81].

Видится уместным привести обширную цитату из интервью руководителя владикавказского технологического центра «Баслик» профессора С.К. Кулова, который, опираясь на собственный непростой жизненный опыт, дал следующую оценку произошедшему: «…деиндустриализация привела, помимо прочего, к дебилизации населения. Для Северного Кавказа эта проблема имеет особое значение – народ у нас пассионарный. А после того, как наша электронная промышленность развалилась, самые передовые кадры были выброшены на улицу, оказались маргиналами. И чем же будут заниматься их дети, видя, что родители всю жизнь работали на заводах, которые превратились в сараи? Если это горячие кавказские парни, то они, естественно, вспомнят о набеговой системе и начнут что-то отбирать. Поэтому, когда мы говорим о криминале на Северном Кавказе, то забываем, что есть очень простые законы, которые открыл марксизм: человек становится человеком, когда он решает свои проблемы в процессе труда. Дайте людям достойную работу и возможность создавать семью – и сразу в значительной степени проблема криминала будет решена. В противном случае просто будет найдена новая идеология, причём на Кавказе это обычно выражается в том, что люди уходят в лес и отращивают бороду. То есть деиндустриализация уже привела к серьёзней-

[80] Сущий С.Я. Указ. соч. – С.407.
[81] Сайдаев И. Указ. соч. – С.100-111.

шим социальным изменениям, которые на Северном Кавказе видны наиболее рельефно»[82].

Не обходятся без насилия и традиционные для Северного Кавказа вопросы, связанные с земельной собственностью. Среди наиболее резонансных событий, связанных со спорными территориями, безусловно, выделяется конфликт между Республикой Северная Осетия-Алания и Ингушетией, последствия которого не изжиты и поныне[83]. Пограничные претензии возникли у Ингушетии и к Чечне. Болезненные споры за право на землю мы находим в политической практике Дагестана, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии[84].

Добавим, что немалую проблему доставила деурбанизация региона, напрямую связанная с разрушением его промышленного потенциала. В качестве гипотезы выскажем предположение, что исторически проблемой для Северного Кавказа была и остаётся аграрная перенаселённость. Например, только в Чечено-Ингушетии в 1991 г. избыток сельского населения оценивался в 100-150 тысяч человек[85]. Сельское хозяйство не сможет поглотить все рабочие руки – отсюда перманентные конфликты вокруг земельной собственности. Только традиционным отходничеством или «шабашками» их не решить. Ситуация несколько напоминает столыпинские реформы, когда избыток населения пытались «пристроить» в Сибири, но так и не достигли поставленной цели. Людей, не сумевших найти себя в новых условиях, назвали «пьяными и ленивыми», по существу вычеркнув из жизни, за что и поплатились в 1917 г. Индустриализация, проведённая большевиками, оказалась куда эффективнее. Не без из-

[82] Проценко Н. «Это не кампания, это надолго» // Эксперт Юг. – 6-19 апреля 2015. - №15-16 (355-356). - С.19.

[83] Осетины / отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского НЦ РАН и Правительства РСО-Алания. – М.: Наука, 2012. - С.109-111; Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьёва; Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН; Ингушский государственный университет. – М.: Наука, 2013. - С.91-97.

[84] Казенин К. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. – М.: Издательский дом «Регнум», 2012.

[85] Тодуа З. Указ. соч. - С.34.

держек и перегибов, но значительная часть селян нашла себя на стройках коммунизма и осталась в городах. Представляется, что на Северном Кавказе решение проблемы может быть связано лишь с новой индустриализацией, которая должна обеспечить массовую занятость населения. Инициировать и поддержать этот процесс может лишь федеральная власть, но её готовность к этому вызывает серьёзные сомнения.

Как ни парадоксально, угрозой для стабильности региона может стать повысившийся образовательный уровень населения, особенно молодёжи. Даже если отбросить далеко не блестящие результаты деятельности современных учебных заведений, переключившихся на «предоставление преподавательских услуг» в ущерб реальному интеллектуальному и профессиональному развитию, растёт число лиц, получивших диплом о высшем образовании и стремящихся занять статусно престижное место в обществе. Но реальной возможности для этого в регионе просто нет. В этой связи оказавшиеся не у дел «дипломированные специалисты», или владельцы «символического капитала» (Г. Дерлугьян)[86], вполне могут стать носителями протестных настроений и начать борьбу за справедливость с присущим их возрасту максимализмом. И примеры такого явления уже есть. Так, среди боевиков, напавших в 2005 г. на Нальчик, были те, кто имел за плечами высшее образование, но не смог реализоваться по специальности[87].

Молодое поколение, воспитанное на идеях социал-дарвинизма и идеалах мифа поп-культуры о «красивой жизни» общества потребления, выдвигает завышенные требования к уровню удовлетворения своих потребностей[88]. Это приводит к ужесточению конкуренции в их среде, которая приобретает крайние, насильственные формы. Как выразился один из северокавказских респондентов, «у нас никто вторым быть не хочет,

---

[86] Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. - С.134; Стародубовская И.В., Соколов Д.В. Указ. соч. - С.34.

[87] Найдёнов И. Кто напал на Нальчик // Известия. 17 октября 2005 г. URL: http://izvestia.ru/news/307227 (дата обращения 26.04.2015).

[88] Ислам на Северном Кавказе: история и современность / под ред. И. Текушева и К. Шевченко. – Прага: Medium Orient, 2011. – С.6

поэтому стреляют много»[89]. Учитывая, что некоторые местные сообщества ещё не завершили демографический переход и отличаются высокими темпами воспроизводства населения, они будут активно проводить экспансию, борясь за «жизненное пространство»[90]. Объективные условия для насилия в регионе ещё долго будут сохраняться и определять специфику местной жизни.

В пользу живучести «заветов предков», которые зиждутся на насилии, говорит и наличие в регионе рецидивов рабства. Практика «пленопродавства», на искоренение которой столько усилий положила Российская империя, вновь была реанимирована в конце XX в. Произошло это преимущественно на территории Чечни, вышедшей из правового пространства государства. Данный элемент насилия приобрёл массовость не только благодаря участию в этом бизнесе лидеров Ичкерии, но и пользовался поддержкой рядовых граждан, имевших свою долю в столь прибыльных предприятиях. Примечательно, что для оправдания работорговли нашлись философские, политические и этнографические аргументы. Списать это на последствия разорительной войны нельзя, т.к. «в большинстве сёл, особенно в горной местности, ещё до конфликта дома строились с многоэтажными бетонными подвалами, в том числе и рассчитанные на насильственное содержание в них людей. Едва ли владельцы этих подвалов могут объяснить, что они рассчитаны исключительно на хранение солений и варений»[91]. В глазах «своих» наличие рабов – это не повод для осуждения, а предмет гордости, удальства, превосходства над «не своими»[92].

Северокавказские лидеры, даже обласканные Москвой, время от времени начинают демонстрировать свой нрав и напоминают скорее ханов эпохи феодализма, нежели носителей правовых демократических ценностей. Достаточно вспомнить конфликт, произошедший 19 апреля 2015 г. в Грозном. Тогда груп-

[89] Стародубовская И.В., Соколов Д.В. Указ. соч. - С.18.
[90] Там же. - С.23.
[91] Тишков В.А. Теория и практика насилия. - С.35.
[92] Карпов Ю.Ю. Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа. - С.251.

па оперативников из Ставропольского края попыталась задержать некоего Д. Дадаева, подозреваемого в вооружённом нападении на дагестанского бизнесмена М. Тазирова. В ходе проведения спецоперации подозреваемый оказал сопротивление и был застрелен. В ответ на это глава Чечни Р.А. Кадыров приказал открывать огонь на поражение по тем полицейским, которые приезжают в республику из других субъектов Российской Федерации без согласования с чеченскими правоохранительными органами[93]. Возникает вопрос – в данном случае личная лояльность своему «вождю» у чеченских полицейских важнее соблюдения федеральных законов? Сам Р.А. Кадыров подчёркивает свою личную признательность и верность В.В. Путину, называя себя его «пехотинцем», и персонифицирует благодарность за внимание к республике: «Все заслуги за мир и стабильность в Чеченской Республике принадлежат Владимиру Владимировичу! Только Его мудрая политика, Его помощь и поддержка позволили достичь прочного мира, возродить республику, ее экономику, культуру и духовность!»[94]. Остаётся лишь предполагать, распространяется ли на Конституцию и «прочие абстракции» такая горячая симпатия.

Подобная ситуация активно используется «белоленточной» оппозицией, для которой она является шансом добиться повышения своего рейтинга[95]. Как ни парадоксально, эти силы нуждаются друг в друге. Сомнительная политическая чистоплотность нынешних российских «либералов» делает имидж Р.А. Кадырова привлекательным в глазах патриотически настроенного российского общества.

Как отметил один из исследователей, анализируя сложившуюся ситуацию, «авторитет в восточном понимании существует за счет бездны между первым лицом и всеми остальны-

---

[93] Рубникович О., Сергеев Н. Следствие разобралось. URL: https://news.mail.ru/politics/21839246/?idc=1 (дата обращения 26.04.2015).

[94] Кадыров заявил о лояльности Путину. URL: http://www.info-islam.ru/publ/novosti/rossiya/kadyrov_zajavil_o_lojalnosti_putinu/1-1-0-33436 (дата обращения 26.04.2015).

[95] См. например документальный фильм «Семья». URL: http://www.youtube.com/watch?v=Ocmw3ktr5aE (дата обращения 15.07.2015).

ми»[96]. Можно рассуждать о перспективах демократии в России, но авторитаризм был и остаётся на сегодняшний день привлекательной в глазах населения формой политической власти.

Звучат заявления, что «сегодня Рамзан Кадыров является едва ли не единственным российским политиком, действующим самостоятельно. Он сам навязывает политическую повестку дня, которую потом принимает Кремль, выдавая за очередной гениальный путинский проект. Рамзан в 2005 г. фактически достроил собственное квазигосударство, у которого есть собственные (хотя и иррегулярные) вооруженные силы, органы власти и управления и минимальная зависимость от Москвы. Это квазигосударство получает от государства РФ такие преференции, которые не снились ни одному из регионов»[97].

Вместе с тем необходимо помнить, что в Чечне фигура лидера традиционно уязвима. Вплоть до начала XX в. попытка выделится и сосредоточить в своих руках большую власть вызывала отторжение в обществе и была чревата разорением, а то и физическим устранением. У чеченцев даже родилась поговорка «Когда признают одного за князя, остальные становятся его рабами»[98].

Уместно сослаться в этом на авторитет Умалата Лаудаева: «…фамилии соревновались между собою, не позволяя некоторым возвышаться над народом. По различным причинам некоторые личности иногда выдвигались вперёд; с возвышением подобного лица и фамилия его приобретала влияние в народе; тогда прочие, завидуя ей, усугубляли свои силы для низведения такого лица и его фамилии в общий раздел»[99]. Как показывают события рубежа XX-XXI вв., живучесть архаики нельзя недо-

---

[96]Белоусов А. Политическая формула Рамзана Кадырова: первый после Путина. URL: https://news.mail.ru/politics/21960231/ (дата обращения 11.05.2015).

[97]Маркедонов С.М. Кронпринц Свободной Ичекрии. URL: http://memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2005/12/m52307.htm (дата обращения 15.07.2015).

[98] Карпов Ю.Ю. Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа. - С.228-230, 252.

[99] Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1872. - № 6. - С.15.

оценивать, и модернизационные усилия не могут вытеснить её из повседневной практики.

Гибель Кадырова-старшего и покушения на Кадырова-младшего нельзя списывать исключительно на происки «мирового терроризма». Лидерство центороевского клана вряд ли устраивает всех чеченцев, а возможности заливать его обильным финансовым дождём из федерального бюджета небезграничны. Можно предположить, что за стремлением продемонстрировать своё «молодчество» в пикировках с высокопоставленными чиновниками федерального уровня и в спорах с соседними субъектами скрывается потребность Р.А. Кадырова в регулярном подтверждении своего лидерского статуса и состоятельности внутри республики. Заодно это должно способствовать его поддержке в противостоянии с недоброжелателями. Их поиском занимается не только сам Глава Республики, но и специально ориентированные на это функционеры[100]. Массовые акции в поддержку «своего» от нападок «чужих» приобретают впечатляющие масштабы, и, видимо, рассчитаны не только на внутриреспубликанскую аудиторию, но и на московского чиновника[101]. Как показывает исторический опыт от имама Шамиля до генерала Д. Дудаева, чеченцы готовы какое-то время терпеть единовластного лидера, если их к этому понуждает внешняя угроза.

Представляется, что здесь сходятся интересы как формирующейся чеченской элиты, так и российской внесистемной оппозиции, которая пытаясь поправить свои невысокие рейтинги, использует «раскрученный» средствами массовой информации образ Р.А. Кадырова в качестве мишени для критики и таким образом привлекает к себе внимание[102]. В свою очередь,

---

[100] См. напр.: Нухажиев Н.С. Не имею права молчать (избранные статьи, выступления, интервью). – Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2013. Обращает на себя внимание то, что усилия автора, «Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике», акцентированы преимущественно на фактах и персоналиях вне Чеченской республики.

[101] «Грозный ТВ» насчитала миллион человек на митинге в поддержку Кадырова. URL: https://news.mail.ru/politics/24605379/ (дата обращения 22.01.2015)

[102] Яшин И. Угроза национальной безопасности. Независимый экспертный доклад. – М., 2016.

республиканский лидер приобретает возможность завоевать симпатии патриотичной части общества, отношение которой к подобной оппозиции отрицательное.

Это не означает, что внутри чеченского общества не накапливаются протестные настроения. Прорывающееся недовольство иногда становится предметом открытого обсуждения и выдаётся за незначительные флуктуации, которые публично осуждаются большинством населения[103].

На Северном Кавказе авторитаризм подкрепляется наличием собственной вооружённой силы, нередко легализованной и формально представляющей федеральные силовые структуры, а фактически обслуживающей интересы конкретного лидера и его клана. У Р.А. Кадырова их численность насчитывает по разным оценкам от 10 до 35 тыс. бойцов[104]. Содержание такой «карманной армии» может обходиться ежегодно в 72 млн. долларов[105].

---

[103] В этой связи вызывает интерес обращение жительницы с. Гвардейского А. Инаевой к Главе Республики, в котором она обвинила его в «показухе» [Кадыров-ТВ: женщину в Чечне публично стыдят за критику правительства. URL: http://www.currenttime.tv/content/article/27442981.html (дата обращения 24.12.2015); Как женщина в Чечне выступила против Кадырова и чем это закончилось. URL:http://www.youtube.com/watch?v=CSOKDIYA_dA]. Во время коллективного осуждения поступка женщины среди прочего, звучали определения неформального статуса Р.А. Кадырова в глазах населения «паччахъ» - падишах, или скорее – государь. (Алироев И. Ю. Язык, история и культура вайнахов. - Грозный: Чеч.-Инг.издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1990. - С. 44). Так чеченцы уже называли имама Шамиля (Беляев С. Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. - С. 17). (Автор выражает искреннюю признательность д.и.н., проф. С.Л. Дудареву за помощь в переводе данного термина). Видимо, Чечня, в своё время под российским влиянием «проскочив» собственный этап феодализма с его устоявшейся иерархичной структурой, теперь навёрстывает упущенное. Нельзя исключать, что на новом этапе своей истории отношение к лидеру у чеченцев изменится, что будет больше соответствовать их нынешнему уровню этнической консолидации. Обращает на себя внимание и то, что односельчане опасались за жизнь А. Инаевой, осмелившейся критиковать первое лицо.

[104] Гродненский Н.Н. Вторая чеченская: история вооружённого конфликта. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2010. - С.643; Кречетников А. Чеченские силовики: опора или угроза? URL: https://news.mail.ru/politics/21345970/ (дата обращения 15.03.2015).

[105] Гродненский Н.Н. Указ. соч. - С.643.

Вряд ли эти средства поступают из бюджета республики. Конкурирующие силовые подразделения в республике были ликвидированы, а наиболее авторитетные оппоненты уничтожены.

Насколько надёжны и подконтрольны закону такого рода формирования, сказать нельзя. Всегда существует искушение использовать их для решения собственных проблем. Об этом свидетельствует, к примеру, конфликт в станице Бороздиновской 4 июня 2005 г., закончившийся человеческими жертвами. В этот день бойцы-чеченцы батальона МО РФ «Восток» во главе с С.Б. Ямадаевым в ходе зачистки начали внесудебную расправу над аварскими и русскими жителями селения. Поводом послужило убийство родственника одного из бойцов батальона. Однозначного морального осуждения эта акция не вызвала. По словам одного из столичных журналистов, проводившего собственное расследование, «…заслуженная в общем-то расплата бандитам и их немым прихвостням и молчаливым пособникам вошла в противоречие с нормами действующего российского законодательства. Но по-другому ямадаевцы не смогли. Они выбрали закон гор»[106].

Учитывая непростые жизненные «зигзаги» теперешних северокавказских лидеров (в Первую чеченскую войну некоторые из них были в рядах бандформирований), настороженность к их действиям вполне объяснима. Сегодняшняя пророссийская риторика, возможно, вполне искренняя, не повод закрывать глаза на попытки дистанцироваться от правового пространства государства.

В этой связи можно привести примеры и из дагестанской политической практики. Здесь, по словам З. Тодуа, «для появления влиятельной группировки… необходимо наличие сильного лидера. Считать себя сильным и влиятельным политиком без своей группировки в РД нельзя. К лидеру предъявляются серьёзные требования. Он должен уметь принимать решения, расчётливо рисковать, брать ответственность на себя, быть предприимчивым, хитрым, смелым, наглым, жестоким. Нравы в со-

[106] Борисов Т. Что всё-таки случилось в Бороздиновской? // Российская газета. – 2005. – 29 июля. URL: http://www.rg.ru/2005/07/29/borozdinovskaya.html (дата обращения 15.05.2015).

временном Дагестане таковы, что каждый заметный политический деятель является потенциальной жертвой покушения. Поэтому лидерами становятся сильные личности, которые не боятся лишиться жизни из-за личных амбиций»[107].

От себя добавим, что аналогичные реалии мы наблюдали и ранее. Достаточно вспомнить легендарную для Дагестана фигуру имама Шамиля, его противников и соратников, многие из которых «сошли с дистанции» в борьбе за власть. В республике и сегодня «каждая влиятельная группировка располагает своим вооружённым отрядом. При необходимости этот отряд может быть увеличен за счёт мужского населения родного села или местности»[108].

Найти подтверждение этому наблюдению в открытых источниках затруднительно. Но косвенным доказательством справедливости данного вывода служит, к примеру, следующий факт. Чтобы предоставить следствию возможность допросить мэра Махачкалы С.Д. Амирова, московским оперативникам в июне 2013 г. пришлось проводить секретную операцию по его аресту, т.к. в противном случае захватить этого влиятельного местного политика просто не позволили бы преданные ему и его клану силовики[109].

О том, что с этой силой следует считаться, свидетельствует предотвращение «нукерами» С.Д. Амирова 21 мая 1998 г. захвата городской администрации радикалами Н.М. Хачилаева. Тогда официальные правоохранительные органы не решились вступить в конфликт с мятежниками, занявшими здание, в котором располагались Госсовет, правительство и парламент республики. Следующей целью должна была стать мэрия, но там уже закрепились верные С.Д. Амирову люди, вооружённые автоматами и пулемётами[110]. В итоге переворот в республике не состоялся, а бессильный на тот момент федеральный центр «за-

[107] Тодуа З. Указ. соч. - С.77.
[108] Там же.
[109] Конец империи Саида Амирова. Джангамахинский клан. URL: http://dag-news.com/rassledovania/item (дата обращения 3.06.2013).
[110] Тодуа З. Указ. соч. - С.86-87.

крыл глаза» на наличие фактически частных вооружённых формирований, которые оказали ему столь важную услугу.

Нынешняя власть в республиках лишена доминанты надэтнической идеологии над клановой. Её сплочённость обеспечивается скорее личной преданностью «сюзерену». Отсюда и невысокие требования к профессионализму. Даже уровень ныне критикуемой партийно-советской номенклатуры остаётся недостижимой высотой для новоявленных чиновников[111]. Такая ситуация раздражает и озлобляет население, способствует формированию перманентно протестной среды. Социально-бытийные реалии повседневности приучают к правовому нигилизму, дискредитируют саму идею законности[112]. Из такого положения местные официальные и неофициальные лидеры научились извлекать прибыль, сделали его источником устойчивых доходов.

Представляется, что, лишившись монополии на насилие, государство оказалось вынуждено «покупать» лояльность местной элиты предоставлением ей доступ к ренте, которая в немалой степени формируется федеральными дотациями. Но в этом случае «те слои населения, которые не подключены через свои элиты к разделу ренты или сами являются источником ренты, способны порождать контрэлиты, также находящие доступ к потенциалу насилия и включающиеся в борьбу за рентные доходы. <…> Государство оказывается перед непростой дилеммой: существенное расширение доступа к ренте ведёт к эрозии её основ и обостряет противоречия между элитными группами, тогда как ограничение доступа узким кругом «приближённых» усиливает стимулы к применению насилия со стороны контрэлит»[113].

В сложившейся ситуации элиты и контрэлиты объединяет заинтересованность в сохранении практики насилия в регионе, т.к. она является аргументом для Москвы продолжать сюда финансовые вливания. Нынешняя северокавказская элита, являясь порождением искусственной государственности, вряд ли

[111] Дегоев В., Ибрагимов Р. Указ. соч. - С.12-13.
[112] Там же. - С.6-7.
[113] Стародубовская И.В., Соколов Д.В. Указ. соч. - С.44, 45.

станет надёжной опорой в пресечении такой традиции. Пока насилие было и остаётся неизбежной частью местной политической реальности, ожидать кардинальных изменений в этой сфере не приходится.

Конфликтные страницы прошлого и их современные трактовки: к оценке дискурса проблемы т.н. «Кавказской войны»

Политизация истории – достаточно привычная и обыденная практика, характерная для Северного Кавказа. Среди наиболее популярных тем выделяется «Кавказская война», сюжеты которой при соответствующей интерпретации позволяют демонстрировать культивируемые среди местных народов маскулинные ценности. Пожалуй, никакой иной исторический экскурс не обладает такими возможностями. Отсутствие полноценной письменной истории в дороссийский период делало прошлое Кавказа обезличенным, а после вхождения в состав многонародной державы местные достижения становились частью общих свершений. Другое дело – противоборство с могущественной империей, которая к тому же побеспокоилась оставить огромный корпус источников, не дав кануть в безвестности именам многих местных удальцов, в иных обстоятельствах разделивших бы судьбу «набежчиков» предшествующего времени. Набег с целью захвата добычи превращался в «антиколониальную борьбу», банальное «людокрадство» – в отстаивание свободы и независимости и т.п. Многие черты, присущие архаичному обществу, начинали интерпретироваться и получали смысловое наполнение, характерные совсем другой исторической эпохе. Возникшее презентивное мифотворчество к тому же давало вполне реальные политические и экономические преференции. Культивируемый комплекс вины перед пострадавшими от «имперского произвола» негласно подразумевал компенсацию и особый статус. За эвфемизмом «царизм» скрывались вполне реальные претензии к русскому миру, что в последнее время вообще перестали маскировать, настойчиво вводя в оборот выражение «русско-кавказская война».

Такая тенденция не могла не привести к игнорированию другой стороны русско-северокавказских отношений. Вполне мирное взаимодействие, общность культурных, экономических и политических интересов были обыденностью, которая самим фактом своего существования бросала тень на «героическую

историю»[114]. Лишиться её местные интеллектуалы из числа национальных историков не могли, да и не хотели. Она давала им привлекательный и почитаемый статус борцов за интересы своего народа, обеспечивала востребованность со стороны местных властей, ценивших мобилизационный потенциал враждебности, наполнявшей историю «Кавказской войны». Это был их аргумент в диалоге с государством. Со временем «Кавказская война» стала частью этнической идентичности, т.к. именно в это время и произошёл важный этап в формировании национальной консолидации, и разрозненные племена стали превращаться в единый народ.

Обширная историография, которая связана с событиями «Кавказской войны», уже сама по себе свидетельствует о том интересе, который сохраняется в обществе к этому явлению. Современники и участники многогранных военно-политических, социокультурных, экономических процессов, происходивших в регионе преимущественно в первой половине XIX столетия, уже пытались осмыслить причины и суть этого эпохального феномена. Но даже по мере затухания сполохов военного противостояния говорить о том, что произошедшее явление начали трактовать «sine ira et studio» не приходится. Кавказоведческий мейнстрим неоднократно разворачивался в противоположную сторону, и вчерашние герои становились врагами и преступниками, а то, что считалось благом, начинали клеймить позором[115]. Одно только это явление заслуживает самостоятельного монографического исследования. История «Кавказской войны» упорно не становилась историей. Будучи всегда востребована современной политической практикой, она каждый раз подтверждала крылатое выражение М.Н. Покровского о том, что является политикой, опрокинутой в прошлое.

---

[114] Любопытна язвительная реакция на такую интерпретацию прошлого, которую можно отнести к фольклору, т.к. авторство теперь вряд ли удастся установить: «Русские завоеватели обрушились на беззащитные аулы, кишлаки и стойбища, оставляя после себя лишь библиотеки, театры, школы».

[115] Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Сборник русского исторического общества. Т.2 (150) / Под ред. Рапова О.М.. М.: РИО, «Русская панорама», 2000. – С.225-250

Болезненный переход в постсоветский мир вызвал всплеск интереса к «славному прошлому» на фоне достаточно унылого настоящего. Не стали исключением и сюжеты, связанные с историей вхождения (включения, присоединения, завоевания, поглощения, интеграции и т.д. – в зависимости от взглядов автора-исследователя) Кавказа в состав Российского государства. И без того глубокий структурный кризис в условиях региона оказался отягощен межэтническими и конфессиональными противоречиями, к которым оказалась не готовы не только власти, но и простой обыватель, воспитанный на идеалах интернационализма. На смену примиряющему идеологическому универсализму в духе солидарности трудящихся, для которого не существовало «ни эллина, ни иудея», приходили иные мировоззренческие догматы, призванные сплотить и консолидировать уже не всё общество, а лишь этнически (в меньшей степени конфессионально) близких соплеменников. В такой ситуации сюжеты «Кавказской войны» не могли не быть востребованы в качестве примеров доказательства своей «исторической правоты». Параллельно шёл процесс демонизации взглядов оппонентов, не согласных с предлагаемыми комплиментарными трактовками прошлого.

При всем желании специалистов (в том числе у профессиональных историков) заявить об отсутствии этнических, конфессиональных, ментальных и т.п. пристрастий, те неминуемо будут проявляться и оказывать определенное воздействие на мировоззрение[116]. Выбравшие для себя эту научную стезю должны быть готовы к когнитивному диссонансу при оценке изучаемых событий[117].

---

[116] Дударев С.Л. Трудными дорогами совместничества (Размышления о статье А.А. Цуциева «Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов») // Вопросы южнороссийской истории. Вып.15. / Под ред. С.Н. Ктиторова. – Москва; Армавир, 2009. – С.124-196.

[117] Хут Л.Р. Вхождение Северного Кавказа в состав России в историографических практиках исторической политики (субъективные заметки) // Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории: материалы всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2013. – С.24.

Примечательно, что в разных регионах интерес к этим событиям далеко не равнозначен. По сравнению со своими соседями Ставрополье не демонстрирует повышенного интереса к данной проблематике. О былой борьбе империи с «немирными» горцами начинают вспоминать лишь при обострении межнациональных отношений. Конфликтные ситуации периодически возникают в различных населённых пунктах, особенно там, где находится много студенческой молодёжи, в силу возрастной специфики склонной к социальным девиациям. Стремясь к добротному образованию, которое не всегда возможно получить у себя на «малой Родине», испытывая определённые затруднения с дальнейшими профессиональными перспективами, труднореализуемыми в условиях царящего непотизма, они при этом нередко становятся носителями конфронтационных трактовок прошлого, мотивируя свои поступками своеобразным чувством реванша «за проигранную войну». Естественно, причины конфликтов нельзя объяснять только «войной памяти», но она вносит свою лепту в идейное обоснование тех столкновений, которые время от времени сотрясают Ставрополье и вызывают болезненный общественный резонанс.

Что касается академического интереса, то данная тема при всей внешней эффектности далеко не проста и является весьма трудоёмкой в разработке. Она имеет обширную историографическую базу, весьма разносторонний источниковый фундамент. Даже просто освоить уже накопившийся багаж невероятно трудно. Ожидать того, что ввод в научный оборот новых свидетельств позволит кардинально изменить оценку этого явления, не приходится. Представляется, что тематика т.н. «Кавказской войны» ждёт осмысления уже накопившегося материала с новых позиций, возможно, с использованием подходов и понятийного аппарата смежных гуманитарных и общественных дисциплин. В любом случае найти себя в ней гораздо сложнее, нежели реализоваться в пока ещё непроторенных научных направлениях. Останавливает и болезненная реакция на попытки поменять устоявшиеся взгляды и дегероизировать проблему. Далеко не каждый исследователь захочет тратить время на бесплодную полемику, которую будут навязывать ему ревнители комплиментарной этнической истории.

Утомительная, а главное – эвристически непродуктивная «война историографий», будучи неотъемлемой составляющей «войн памяти», то затихая, то вновь усиливаясь, сохраняется и поныне. Её отличительная особенность заключается в том, что она не ограничивается рамками научного дискурса, а выплёскивается «на площади», становится одним из востребованных элементов политической практике. Осторожный оптимизм порождает то, что немалая часть кавказоведов приходит к осознанию бесперспективности её продолжения. Свидетельством тому стал форум, прошедший на «нейтральной территории» в г. Ростове-на-Дону. Здесь не надо было делать усилия, чтобы понравиться «своему» окружению «бескомпромиссностью и самостью», а потому больше внимания уделялось научной стороне вопроса. Была принята «Хартия историков-кавказоведов», призывающая всех, кто посвятил свою научную деятельность историческому прошлому Кавказа, отказаться от воинственной риторики в оценках прошлого[118].

Аналогичные призывы звучали и на прошедшей в конце февраля – начале марта 2014 г. Всероссийской научно-практической конференции «Кавказская война: символы, образы, стереотипы (к 150-летию со дня окончания)» (с. Кабардинка, город-курорт Геленджик). Развернувшиеся на ней дискуссии в очередной раз продемонстрировали всю глубину разногласий в оценках прошлого, но, по крайней мере, отсутствовал тот яростный накал страстей, который имел место на подобных мероприятиях в 1990-е годы. Если с точки зрения научных прорывов и откровений эффективность такого рода мероприятий выглядит сомнительно (публицистичность явно превалирует над академичностью), то в плане человеческого общения его позитивный эффект безусловен. По крайней мере, есть шанс, что исследователь будет брать на себя определенные моральные обязательства, которые, возможно, отразятся на корректности формулировок отстаиваемых идей и на конечных научных выводах.

[118]Хартия историков-кавказоведов // Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. Черноус В.В. Ростов-на-Дону: МАРТ, 2013. – С. 234-235

Рассмотрим некоторые направления, которые хотя и не исчерпывают всей полноты и многообразия концептуальных трактовок, но позволяют получить определенное представление о современном состоянии обозначенной проблемы. Подчеркнём, представленный материал не претендует на всю полноту охвата заявленной темы, что сделать крайне проблематично, учитывая хотя бы тот факт, что все диссертационные исследования, касающиеся прошлого Северного Кавказа первой половины XIX в., содержат такие экскурсы. Мы лишь можем попытаться обозначить основные течения в оценке «Кавказской войны», существующие в кавказоведении.

Адекватность самого **термина** сути происходивших событий уже не раз поднималась кавказоведами[119]. Отсюда и многочисленные вариации в попытках конкретизировать смысл описываемого явления, от «Русско-Кавказской» до «Большой Кавказской» войны[120]. Отсутствие адекватной альтернативы заставляет в качестве полумеры использовать эвфемизм «так называемая Кавказская война», а попытки выйти из этого эвристического тупика вызывают отторжение у значительной части кавказоведов, достаточно комфортно чувствующих себя в этом наработанном дискурсивном пространстве (вывод сделан на основании личных наблюдений автора, в том числе анализе развернувшейся полемики на Всероссийской научно-практической конференции «Кавказская война: символы, образы, стереотипы (к 150-летию со дня окончания)» (с. Кабардинка, город-куорт Геленджик) 28 февраля-2 марта 2014 г.). Предложение переосмыслить определение воспринимается не как призыв к научному диалогу, а как покушение на чувство национальной гордости. В этой связи весьма наглядны рассуждения нашего дагестанского коллеги Х.Х. Рамазанова: «Переосмысление термина? Это искажение истории, перепись её, желание подчеркнуть, что Дагестан не имел национальных героев, каким уже не одно поколение счи-

[119] Материалы семинара (№9) кафедры РСИД АГПУ на тему «О состоятельности термина и понятия “Кавказская война”» // Вопросы Южнороссийской истории (научный сборник) / Под ред. В.Б. Виноградова и С.Н. Ктиторова. – Москва; Армавир, 2006. Вып. 11. С.90-111.
[120] Хут Л.Р. Указ. соч. - С.20.

тает Шамиля, а также нежелание исследовать другие проблемы, искусственный вызов научных дискуссий»[121]. По существу речь идет о табуировании определённой тематики, которая должна априори признаваться как истинная (такого рода призывы мы находим и в трактовках других проблемных вопросов, связанных с «Кавказской войной». Например, вывод Ш.А. Гапурова: «… “горцы боролись за свою свободу”. Это положение имеет принципиальный характер, и, по нашему мнению, его надо строго придерживаться»[122]. Таким образом, дискуссия изначально ограничивается некой чертой, выход за рамки который считается недопустимым).

В одной из своих работ В.Б. Виноградов отмечал, что данный «термин крайне спорный по смыслу, территории, хронологии, легко, к тому же, перетекающий, как мы убедились, в неисторические, политизированные и опасные матрицы типа Русско-Кавказской, Русско-Черкесской, Русско-Чеченской (едва ли не 400-летней) и т.п. войны со стандартным образом непримиримого врага», давно уже не соответствует уровню осознания происходивших в регионе событий. Именно для преодоления подобной тупиковой и исчерпавшей себя трактовки создатель научной Школы и предлагал в качестве одного из возможных вариантов термин «KRISIS», подразумевая «решение, решительный исход, обозначающему, более всего, перелом, тяжелое переходное состояние» возникшее в русско-северокавказских отношениях[123] .

В контексте размышлений В.Б. Виноградова позволим себе предложить еще один вариант трактовки имевшего место противостояния, пик которого выпадает преимущественно на

---

[121] Гарунова Н.Н. Дискуссионные аспекты термина «Кавказская война» // Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. Черноус В.В. - Ростов-на-Дону: МАРТ, 2013. - С.42.

[122] Гапуров Ш.А. Дискуссионные вопросы кавказоведения (XIX век): поиски компромисса // Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. Черноус В.В. - Ростов-на-Дону: МАРТ, 2013. - С.37.

[123] Виноградов В.Б. Современные аспекты российского кавказоведения (Мозаика новейших публикаций). - Москва; Армавир, 2007. – С.7.

первую половину XIX столетия. Итак, в силу объективных обстоятельств, связанных, прежде всего, с обретением устойчивых и достаточно безопасных южных рубежей, Российское государство выходит и закрепляется на Кавказе. Здесь оно сталкивается с весьма специфичным миром кавказских народов, образ жизни которых далеко не во всем принимается империей. Достаточно упомянуть набеговую традицию, которая существовала до времени появления Российской державы в регионе и была лишь трансформирована в новых исторических условиях. В свою очередь предлагаемые, да и навязываемые «северным соседом» порядки воспринимаются автохтонами как чуждые и враждебные. В таких условиях конфликт оказался неминуем, т.к. изменение геополитической ситуации вокруг Кавказа должно было привести к трансформации жизни его народов, заставив их реагировать на происходящее. Попытка сохранить «старый мир» оказалась исторически бесперспективной и обреченной, а его защитники, несмотря на вызывающие уважение героизм и самоотверженность, не могли изменить происходившее. Кавказ нуждался в модернизации, один из вариантов которой (условно назовем его европейско-христианским) стала воплощать в жизнь Российская империя. Одновременно в недрах горских обществ возникла альтернатива этому проекту. Ею стал восточно-исламский проект в виде мюридистского теократического «государства», который наиболее полно воплотился в имамате Шамиля. При всей антогонистичности эти два проекта работали в одном направлении – они ломали традиционные устои патриархальности и рушили горский изоляционизм, приучая к правилам жизни в условиях государственности. Потенциал России оказался куда могущественнее возможностей её конкурента. Но дело здесь не только в военно-политическом и экономическом превосходстве. Предлагаемые Россией экономические, политические и культурные принципы жизни оказались ближе и выгоднее горцам, которые в конечном итоге сделали выбор в пользу первого модернизационного варианта. Сделано это было еще и потому, что русские не столь категорично навязывали и регламентировали внутренний мир горцев, в то время как Шамиль и его сторонники были принципиально чужды идеям плюрализма, хотя и пытались смягчить исламские догматы, адаптируя их под местные

реалии (например, разработав низамы). Таким образом, события XIX столетия следует оценивать не как войну, а как сложнейший, многовариантный модернизационный процесс, переживаемый народами региона, для которого были характерны социальная ломка, экономическая трансформация, военно-политические столкновения с немалыми жертвами, приведшие в итоге к достаточно прочному вхождению региона в состав Российского многонародного государства. Данная гипотеза нуждается в соответствующем научном «наполнении» и может в перспективе стать альтернативой трактовки «Кавказской войны», культивируемой доныне.

Ещё одной дискуссионной темой является определение **хронологии** «Кавказской войны». Здесь разброс мнений по-прежнему велик. Чаще всего фигурирует периода 1817-1864 гг., но с таковым соглашаются далеко не все исследователи. Наметилась тенденция на расширение временных рамок этого события, по-видимому, в зависимости от ангажированности автора. Отправной точкой может служить X век (походы князя Святослава Игоревича), либо XVI столетие, ознаменованное военно-политическими усилиями Ивана IV Грозного в регионе. Верхняя граница вообще ставится под сомнение, т.к. в истории второй половины XIX столетия, в минувшем и начавшемся веках без труда можно обнаружить следы вооружённой конфронтации. Фактически вся политика России на Кавказе начинает соотноситься с «Кавказской войной»[124] .

В немалой степени на это влияет этническая принадлежность автора, который претендует на ассоциацию этого «престижного» факта со своим народом. Например, для ряда адыгских исследователей отправной точкой «Кавказской войны» служит 1763 г., когда по решению российского правительства была основана крепость Моздок, чье строительство вызвало недовольство со стороны кабардинской владетельной верхушки[125].

[124] Дегоев В.В. История, опрокинутая в политику. Три досье «до востребования». - М.: МГИМО-Университет, 2013. – С.47.

[125] Кушхабиев А.В. Русско-кавказская война в истории адыгского народа // Исторический вестник: VII выпуск. - Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. – С.355.

По мнению сторонников подобной интерпретации событий, с этого момента начинается колониальная политика царизма на Северном Кавказе, ущемляющая экономические интересы кавказских народов. Оппоненты в качестве контраргументов указывают на то, что крепость располагалась не на кабардинской территории, а в пограничье. Занятые для нужд гарнизона земли не были жизненно важны для автохтонов, а если использовались ими, то эпизодически. Недовольство местной элиты было обусловлено тем, что под защиту русского гарнизона стал уходить «чёрный народ», бежавший от эксплуатации и притеснений, т.е. причину нужно искать не во внешних факторах, а во внутренних противоречиях самого кабардинского общества и т.д.[126]

Представляется, что сама попытка увязать начало исторического феномена «Кавказской войны» с каким-то конкретным событием изначально бесплодна. Если акцентировать внимание исключительно на вооружённом противостоянии, то оно периодически затихало и вновь обострялось. При этом периоды вполне мирного сосуществования явно доминировали, да и число вовлечённых в конфликт с Россией горцев отнюдь не преобладало над теми, кто вполне мирно инкорпорировался в новую для себя социально-экономическую, политическую и культурную среду, привнесённую империей. Примечательно, что они активно участвовали в обуздании своих беспокойных и деструктивных соплеменников, от воинственной пассионарности которых страдали не меньше, чем их русские соотечественники[127].

Среди болезненно воспринимаемых тем, являющихся своеобразным маркером, характеризующим позицию автора в трактовке проблематики «Кавказской войны», можно указать

[126] Виноградов Б.В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начале XIX в. Славянск-на-Кубани, 2009. – С.27-28, 32-33; Клычников Ю.Ю. Исследование А.А. Епифанцева и размышления о проблемах современной кавказоведческой историографии // Вопросы Южнороссийской истории. Армавир, 2011. Вып.17. С.104.

[127] Великая Н.Н. О методах российской политики на Северном Кавказе в первой половине XIX века // Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории: материалы всероссийской научно-практической конференции. - Краснодар: Кубанский государственный университет, 2013. - С.72-73.

популярное научное направление, которое связано с исследованием **набеговой традиции**, характерной для региона в рассматриваемый период. В своё время на роль набегов в повседневной жизни горских обществ и реакцию на эту практику со стороны российской администрации обратил внимание М.М. Блиев[128]. Отклики немалой части кавказоведческого сообщества на высказанные автором идеи были резкими и полемически азартными. Все, кто оценил перспективность обозначенного автором направления поиска (например, В.Б. Виноградов), причислялись к «фальсификаторам» и подвергались идеологическому остракизму[129]. Отстаивая удобный «героический имидж» собственного народа в трактовке событий «Кавказской войны», историку можно было добиться комплиментарного отношения сородичей. Возникала потребность и в образе врага, покушающегося на «духовные святыни». Такого рода настроения сохраняются и сейчас, являясь, как представляется, своеобразным элементом этнической идентичности[130].

Имеющийся пресс общественного мнения затрудняет для многих исследователей, проживающих на Северном Кавказе, возможность вариативного изучения обозначенного феномена. Неудивительно, что наиболее спокойная, эмоционально выдержанная критика ряда положений концепции М.М. Блиева о внутренних причинах и истоках «Кавказской войны» звучит со стороны столичных учёных. Пожалуй, наиболее интересные рассуждения можно встретить у Ю.Ю. Карпова, не разделяющего мнения своего коллеги о том, что причиной этого явления стал «своеобразный взрыв процесса классообразования, который якобы переживали начиная с XVIII столетия «вольные» общества Дагестана, тайпы и тукхумы Чечни, «демократические племена» адыгов на Северо-Западном Кавказе – все исключи-

[128] Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. - 1983. - №2. - С.54-75; Блиев М.М. К проблеме общественного строя горских («вольных») обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа XVIII – первой половины XIX в. // История СССР. - 1989. - №4. - С.151-168.

[129] Основные выводы и рекомендации Всесоюзной научной конференции «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.» 20-22 июня 1989 г. Махачкала, 1989. – С.6.

[130] Кушхабиев А.В. Указ. соч. - С.350-371.

тельно горцы»[131]. При этом петербургский учёный в качестве аргументации приводит факты, непосредственно касающиеся изучаемых событий, признавая за оппонентом «рациональные суждения и доводы»[132]. Работы самого Ю.Ю. Карпова, написанные на стыке истории и этнографии, на сегодняшний момент определяют уровень научного осознания набеговой практики горцев Кавказа на примере Дагестана, чему исследователь посвятил ряд монографий[133].

Непосредственно связана с темой набегов и проблема работорговли, а вернее «пленопродавства». Как правило, над ней тяготеют современные оценочные стереотипы, связанные в том числе и с «реинкарнацией» подобной практики во время чеченских событий 90-х гг. XX – начала XXI вв., а потому уже сами термины, по мнению ряда исследователей, содержат негативную коннотацию. На нынешнем этапе развития кавказоведения идёт накопление фактического материала, связанного с этим историческим явлением, делаются предварительные выводы и обобщения[134]. Наличие интереса к «пленопродавству» на субъективном уровне нередко трактуется как принадлежность к условному лагерю «державников». Пусть и не всегда явно, но такие научные приоритеты осуждаются оппонентами из лагеря «национальных» историков, предпочитающих обходить их как «неудобные» темы.

Персонификация «Кавказской войны» приводит к тому, что у неё появляются свои герои и антигерои. Здесь мы нередко сталкиваемся с крайностями в оценках их деятельности, восхвалением или демонизацией. Фактически речь идет о создании позитивного или негативного мифа, весьма далёкого от реально-

---

[131] Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. - СПб: Петербургское Востоковедение, 2007. – С.239.

[132] Там же. – С.242.

[133] Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996; Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор.

[134] Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. «Так буйную вольность законы теснят…»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисловием Б.В. Виноградова. Пятигорск: РИА КМВ, 2011.

го персонажа. Актуализируясь, он приобретает не столько историческое, сколько политическое звучание. Во многом это зависит от уровня профессиональной компетентности автора, его способности исходить из принципа историзма во время реконструкции исторического портрета изучаемого лица. Далеко не все оказываются в состоянии преодолеть этнические и конфессиональные предпочтения, которые в данном случае могут проявляться наиболее болезненно и эмоционально. Сохраняется определённый социальный заказ на такого героя (антигероя), что затрудняет непредвзятое осмысление роли конкретной личности в тех или иных событиях прошлого. В то же время открываются широкие перспективы для использования таких сюжетов в пропагандистско-воспитательной работе, причём не только в конфронтационном аспекте[135].

Среди культовых фигур «Кавказской войны» часто выделяют генералов А.П. Ермолова[136], А.И. Барятинского[137], Н.И. Евдокимова[138], Г.Х. Засса[139], князя М.С. Воронцова[140], шейха Мансура[141], имама Шамиля[142] и др. В общественном сознании они являются символами своей эпохи, носителями архетипа «настоящего кавказца». Их деятельность воспринимается как

---

[135] Остахов А.А. Аспекты исторической комплиментарности на примере Кавказской войны (1817-1864) // Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. Черноус В.В. - Ростов-на-Дону: МАРТ, 2013. - С.103-112.

[136] Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827). - Ессентуки, 1999.

[137] Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.

[138] Муханов В.М. Наброски к портрету генерала Н.И. Евдокимова // Кавказский сборник. - М.: НП ИД «Русская панорама», 2008. - Т.5(37). - С.137-165.

[139] Виноградов В.Б. Генерал Г.Х. Засс: «Отступления со мною нет и не будет!» / Под ред. С.Л. Дударева. - Армавир, 2000.

[140] Лазарян С.С. Военно-политическая и административно-правовая деятельность князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845-1854 гг. – Пятигорск: ПГЛУ, 2012.

[141] Дегоев В.В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). – М.: Изд-во Модест Колеров, 2013.

[142] Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. - М.: SPSL-«Русская панорама», 2001; Гасаналиев М.М. Первая Кавказская война. Сатрап. Махачкала, 2001.

пример для подражания. Им приписываются некая совокупность черт, которая должна быть присуща истинному лидеру. Превалируют при этом военные заслуги, особенно почитаемые в пронизанном маскулинными ценностями кавказском обществе. Объединяет их ареал удачливого воина, мудрого вождя, способного выйти победителем из сложной ситуации, чьи выдающиеся качества признают не только свои, но и чужие. Одновременно, они являются воплощением жестокости, коварства, беспощадности. Оценки варьируются в зависимости от того, к какому «лагерю» принадлежит исследователь.

Причины **махаджирства** и его последствия для народов Северного Кавказа на сегодняшний момент являются весьма болезненными вопросами уже в силу своей «юбилейности». Интерес к ним подогревался и публицистически подпитывался предолимпийскими ожиданиями. Впрочем, и ранее данная тема не была обделена вниманием кавказоведов. Сторонники идеи об оккупации горских территорий Российской империи трактуют произошедшее как целенаправленный акт по изгнанию горцев, осуществлявшийся с целью освобождения их земли для её последующей колонизации. Вина за это событие возлагается преимущественно на царскую (русскую) власть. Отрицается альтернативность выбора дальнейшей судьбы для горцев, предлагаемого имперской администрацией. Число покинувших Родину колеблется от 300000 до 1,5 млн человек, при этом минимизация показателей расценивается как историческая фальсификация вне зависимости от приводимых доводов[143]. Представляется, что количество заявляемых жертв служит своеобразным маркером верности исследователя «кавказскому миру». С переселением связывают и проблему «геноцида» горского населения (преимущественно черкесского). У сторонников этого подхода происходит «абсолютизация исторического дискурса жертвы», при котором «проблема ответственности в нём целиком перекладывается вовне»[144].

Неразрывно связан, а зачастую и включает в себя данные проблемы актуализировавшийся в настоящий момент т.н. **«чер-**

[143] Кушхабиев А.В. Указ. соч. - С.358-367.
[144] Хут Л.Р. Указ. соч. - С.21.

кесский вопрос», который активно используют как элемент политического давления на Российскую Федерацию. В качестве примеров можно привести прожекты по созданию Великой Черкесии, прозвучавшие на Чрезвычайном съезде черкесского народа в ноябре 2008 г., конференции, прошедшей в Грузии в ноябре 2010 г. и т.п.[145]. Усилия грузинских исследователей подкрепляются решениями грузинских политиков, которые на заседании своего парламента 20 мая 2011 г. приняли акт о признании «геноцида черкесов»[146]. В русле этого решения зазвучали призывы признать депортацию чеченцев и ингушей 1944 г., осетино-ингушский конфликт 1992 г. «преступлением советской (русской) империи» с целью «геноцида и убийства народов Кавказа», подчёркивая преемственность такого курса[147]. За всеми этими демаршами стоят уже не только амбиции части региональной элиты[148], но и геополитические интересы соперников России, не упускающих возможности расшатать ситуацию на южных рубежах своего конкурента.

С научной точки зрения эта тема не разработана. Обращает на себя внимание тот факт, что «черкесский вопрос» не имеет даже чёткого, общепризнанного определения, и каждый из авторов, использующих это выражение, вкладывает в него свой смысл[149]. Целесообразность его превращения в кавказоведче-

---

[145] Черкесская молодежь Северного Кавказа предлагает создать новую республику. URL: http://south-osetia.kavkaz-uzel.ru/articles/144489 (дата обращения 1.04.2014); Кешев: конференции по «черкесскому вопросу» проходят в Грузии, так как Россия не занимается этой проблемой. URL:http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/177889/ (дата обращения 1.04.2014).

[146] РИСИ: Грузино-черкесское «братство»: вопреки очевидности. URL: http://news.rambler.ru/14423882/ (дата обращения 1.04.2014).

[147] Вартумян А.А., Рябцев В.Н. Активация Грузией «Черкесского вопроса» после югоосетинского кризиса: хроника информационной войны с Россией // Региональные политические исследования. - 2011. - №4(4). - С.182.

[148] Хлынина Т.П. Россия и Кавказ: болевые точки и стратегия «исторического примирения» // Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории: материалы всероссийской научно-практической конференции. - Краснодар: Кубанский государственный университет, 2013. - С.46.

[149] Нефляшева Н.А. Черкесское национальное движение – внутрироссийский и международный контекст. URL: http://www.aheku.org/news/society/2813 (дата обращения 1.04.2014); Урушадзе А.Т. Современные проблемы нациестрои-

скую парадигму не очевидна, т.к. он явился порождением публицистической конъюнктуры и не дает ощутимого преимущества в постановке проблемы и методов её решения. Среди возможных, на наш взгляд, нейтральных определений может быть принят следующий: это «процесс вхождения адыгов Северо-Западного Кавказа в состав российского многонационального государства и его последствия для черкесского мира в целом»[150]. О том, какие разноплановые проблемы поднимаются в контексте «черкесского вопроса», свидетельствуют материалы тематических сборников, посвящённых его изучению[151]. Они включают и исследование исторических событий периода вхождения Кавказа в состав России, и проблему мемориализации этого процесса, и современные политические, экономические, социальные, культурные процессы, связанные с жизнью адыгских народов и т.п.

Подводя итог, остановимся ещё на одном направлении, которое связано с **оценкой российской политики** на Северном Кавказе в период «Кавказской войны». Она традиционно становилась предметом горячих споров как историков-профессионалов, так и представителей широкой общественности, которые в поисках заманчивых параллелей с современностью акцентировали внимание на одной из сторон весьма противоречивых и неоднозначных русско-кавказских отношений. В этом случае доминировали либо негативные оценки общего прошлого, либо упор делался на положительные примеры взаимовоздействия, взаимовлияния и перспективного исторического «совместничества». Примечательно, что попытки найти наиболее приемлемую для обеих сторон оценку прошлого до сих пор

тельства в Кабардино-Балкарии // Нации и государство на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия: Сборник научных статей и материалов / Под ред. Т.П. Хлыниной. - Ростов н/Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. - С.99.

[150] Матишов Г.Г., Клычников Ю.Ю., Хлынина Т.П. «Черкесский вопрос»: история, политика и современное мифотворчество // Вестник Южного научного центра. - 2012. - Т.8. - №1. - Январь-март. - С.80.

[151] «Черкесский вопрос» в контексте угроз и рисков в Азово-Черноморском регионе: Материалы Расширенного заседания Учёного совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН (5 июля 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011.

успехом не увенчались, да и вряд ли это будет возможно в среднесрочной исторической перспективе. Даже в условиях господства советской идеологической доктрины подспудно существовали альтернативные настроения в рамках обозначенных выше течений. Представляется, что попытки создания некого универсалистского подхода в трактовке прошлого изначально обречены на неудачу. Будет иметь место элемент конфликтности, пусть даже в виде цивилизованной научной дискуссии. Но это не означает, что исследователи не должны стремиться к выработке некой оптимальной модели прошлого, в которой найдется место для аргументированных доводов каждой из сторон.

Такие попытки уже имеют место, в том числе усилиями представителей Кавказоведческой научно-педагогической школы В.Б. Виноградова[152]. Здесь, пожалуй, можно выделить перспективную гипотезу, которая претендует на универсализм. Речь идет об идее «российскости», которая, не отрицая уже имеющихся позиций, позволяет объединить сторонников «позитива и негатива» в рамках общей концепции. Хотя у таких трактовок ВСЕГДА будут оппоненты, но они способны увлечь если не большинство, то, по крайней мере, значительную часть историков-кавказоведов, и в немалой степени повлиять на формирование общественного позитивного восприятия прошлого, стать преградой на пути «ненавистнической» истории. Суть их сводится к тому, что Российское государство и русские как его этническое ядро – с одной стороны и народы Северного Кавказа – с другой были заинтересованы в долговременном историческом партнерстве, которое давало обеим сторонам диалога определенные конкурентные преимущества, и это обуславливало их сближение и исторический симбиоз. Учитывая разницу в стадиальном развитии и специфике социально-экономического уклада сторон, а также влияние внутри- и внешнеполитической

[152] Российскость» в истории Северного Кавказа / Под ред. В.Б. Виноградова. - Вып.7. - Армавир, 2002; Современные аспекты российского кавказоведения (Мозаика новейших статей и материалов). - Вып.2. - Москва-Армавир, 2009; Лики российскости. Материалы научно-педагогических материалов Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. 2009-2010 гг. (семинары №№14 и 15). - Армавир; Ставрополь: Графа, 2010.

конъюнктуры, этот процесс шёл невероятно трудно, но не имел непреодолимых преград.

Естественно, что фактографическое наполнение подобных трактовок будет зависеть от упомянутых предпочтений исследователя. Однако при этом сохранится магистральная идея о взаимной заинтересованности сторон, а научные копья будут ломаться вокруг эффективности или ошибочности предпринимаемых в прошлом усилий по созданию общедержавного пространства. Еще раз подчеркнём, что эти идеи не способны удовлетворить абсолютно всех относительно вопроса видения прошлого. Найдутся те, кто поставит под сомнение саму идею необходимости совместного общежития, посчитав её разрушительной и даже апокалиптической для того или иного народа. При этом могут выдвигаться весьма серьёзные и заслуживающие внимания аргументы. Но такие радикалистские идеи вряд ли найдут множество сторонников и останутся уделом скорее озлобленных одиночек, нежели будут выражением чаяний большинства. Уже накопленный исторический багаж совместного прошлого вполне может опровергнуть доводы тех, кто не видит перспективы и возможности проживания в рамках общей государственности. Да и мировые тенденции по преодолению этнической изолированности и локальности не оставляют шансов у сторонников «сохранения в чистоте» своей этнической неповторимости[153].

Среди возможных трактовок явления российскости предлагается рассматривать его как историческое партнерство, обусловленное необходимостью решения жизненно важных проблем, дающее сторонам этого процесса определенные конкурентные преимущества и осуществляющееся в рамках единого политического, экономического и культурного пространства, которое они при этом совместными усилиями формируют. Партнёрство не имело равноправного характера, т.к. «ласкания», доминировавшие в выстраиваемой в отношении национальных окраин политике, как правило, не затрагивали русского этнического ядра, которое должно было нести на своих плечах

[153] Основные этапы всемирной истории: учебное пособие / под ред. В.Б. Виноградова и С.Л. Дударева. -Армавир: Графа, 2009.

основные тяготы этатизма. Представляется, что главной наградой за эти труды была безопасность, во имя которой проводился и в немалой степени проводится курс на задабривание этнических меньшинств.

Горские элиты и раньше, и теперь достаточно эффективно научились пользоваться подобной ситуацией, чтобы, шантажируя федеральный центр возможной или реальной дестабилизацией ситуации, получать для себя новые бонусы. Этим среди прочего объясняется и увлеченность «презентивной историей», которую ряд современных исследователей считает второстепенным занятием, забирающим непропорциональные ресурсы[154] .

В этой связи призывы отказаться от конфронтационной оценки событий прошлого будут отторгаться, т.к. не соответствуют потребностям значительной части местных лидеров, чей статус в немалой степени определяется возможностью распределения получаемых от центра средств среди своих соплеменников. Кроме того, российский период местной истории, наиболее изученный и персонифицированный (кстати, благодаря российским источникам и науке), вряд ли легко может быть переоценен в ущерб собственному «героическому имиджу». Наиболее конкурентный вид деятельности, который продемонстрировал Кавказ, вплотную войдя в соприкосновение с российской государственностью, был связан с военным ремеслом. Здесь горцы продемонстрировали немало достижений, которые, естественно, должны были стать предметом законной гордости. Попытка показать и другие стороны русско-северокавказской интеграции, где успехи и вклад автохтонов, прямо скажем, были не столь впечатляющи, вызывает понятное отторжение как покушение на героическое прошлое, желание отнять конкурентное преимущество.

Впрочем, этот вывод не должен возводиться в абсолют. В отечественном кавказоведении независимо от складывающейся идеологической конъюнктуры ВСЕГДА находятся исследователи из числа северокавказских народов, у которых российская идентичность органично сочетается с идентичностью нацио-

[154] Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. - М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007. – С.10.

нальной. Они выступают за изучение интегративных факторов, настаивают на том, что «сюжетам мирного сосуществования надо уделять больше внимания, чем истории их вражды»[155].

Наметилась еще одна тенденция, которая не позволит в среднесрочной перспективе преломить ситуацию в пользу комплиментарной солидаризации в оценках прошлого. Это рост русского национального самосознания, имеющий на данном этапе развития черты самозащитной ксенофобии. Русские, в настоящее время в значительной степени атомизированный народ, связывали свою безопасность и защиту интересов с государством. Когда государство оказалось не в состоянии выполнять эти функции, русская нация оказалась неконкурентоспособной при столкновении с этническими кланами. Как следствие, попытка возрождения уже русской этнической сплоченности перед лицом внешней угрозы с целью самосохранения. Образ врага выступает как сплачивающий фактор. Стремление убедить в обратном вызывает неприязнь и отторжение.

Практическая востребованность исторических сюжетов «Кавказской войны» в воспитательно-мобилизационных целях просматривается и в том процессе её мемориализации, который мы можем повсеместно наблюдать. Нередко он имеет этнически выраженный характер и служит средством формирования идентичности, в том числе акцентируя внимание на «исторических обидах»[156]. Здесь, безусловно, можно вспомнить об увековечении заслуг А.П. Ермолова – знаменитого «проконсула Кавказа», известного своими жесткими мерами по обузданию горских «хищничеств»[157]. И раньше мы сталкивались с различными годонимами и урбанонимами, связанными с именем генерала, но

[155] Хут Л.Р. Указ. соч. - С.25; Гапуров Ш.А. Дискуссионные вопросы кавказоведения (XIX век): поиски компромисса // Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. Черноус В.В. - Ростов-на-Дону: МАРТ, 2013. - С.32-33.

[156] Кринко Е.Ф. Кавказская война в исторической памяти Юга России: мемориальная версия // Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории: материалы всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2013. - С.36-44.

[157] Данный термин широко использовался в официальной переписки периода т.н. «Кавказской войны» и обозначал грабежи, разбои, убийства.

они скорее были данью его заслугам по колонизации и хозяйственному обустройству нынешнего Ставрополья. Появившиеся в последнее десятилетие памятники – внимание к военным победам А.П. Ермолова на Северном Кавказе. Такой интерес следует связать с ситуацией в Чеченской республике, которая в результате прихода к власти криминально-террористического режима де-факто вышла на некоторое время из российского правового пространства и подверглась дерусификации. Исход русского населения при попустительстве федеральных властей наблюдается и в других северокавказских республиках. Не находя сочувствия и помощи у современных власть имущих, люди ищут моральную поддержку в примерах прошлого. И здесь образ не знавшего поражений брутального генерала играет важную мобилизующую роль в защите этнических прав населения. Памятники ему установлены в Ставрополе, Пятигорске, Минеральных Водах.

Именем А.П. Ермолова казаки назвали 694-й батальон 135-й мотострелковой бригады 58-й армии СКВО, принявший участие в борьбе с бандформированиями в Чечне[158]. В Ставрополе работает кадетская школа, названная в честь генерала[159].

Реакция со стороны части горского населения сопредельных субъектов оказалась весьма болезненной. Звучали обвинения в разжигании межнациональной розни, в пропаганде насилия и т.п. Зафиксированы случаи вандализма по отношению к памятникам А.П. Ермолова. Так, в г. Минеральные Воды такой памятник был залит краской, а на соседних заборах и зданиях эта акция сопровождалась оскорбительными надписями.

Другим знаковым персонажем вооружённого противостояния на Кавказе, удостоившимся памятной доски, стал Н.И. Евдокимов, судьба которого была связана с прошлым г. Пятигорска, где в 2013 г. отметили 210-летие со дня рож-

[158] Батальон имени Ермолова (694-й отдельный мотострелковый) URL: http://via-midgard.info/2019-batalon-imeni-ermolova-694-j-otdelnyj.html (Дата обращения 25.05.2014).

[159] Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение кадетская школа им. генерала Ермолова А.П. г. Ставрополя URL: http://kadetstav.ru (Дата обращения 25.05.2014).

дения. Реакция на это событие оказалась куда сдержаннее, хотя в интернет пространстве и появлялись негативные отклики.

Возможно ли кардинально преломить такую ситуацию и использовать ресурс исторической памяти для консолидации населения региона? Оптимистичный прогноз маловероятен. Для значительной части населения Северного Кавказа из числа горцев имам Шамиль и плеяда его соратников останутся героями, долгое время противостоявшими России. Найти альтернативу легендарному имаму в горской истории сложно, что связано с отсутствием персонификации истории у архаичных обществ. Имеющиеся яркие по местным меркам личности явно уступают по популярности третьему имаму Чечни и Дагестана, ставшему региональным лидером, известность которого вышла далеко за пределы Кавказа.

Избирательность памяти, присущая folk history, акцентирует внимание именно на противостоянии с российской властью, забывая о достаточно кровавых действиях Шамиля и его предшественников в борьбе с теми горцами, которые не признавали мюридизма, насаждаемого адептами этого религиозного учения. Воспитательная функция истории при её практическом применении приводит к формированию комплиментарного мифа, в котором акцент делается на идеализацию собственного народа и демонизацию «враждебного» окружения.

У «русского» взгляда на события т.н. «Кавказской войны» акценты смещаются на противоположные – горские «герои» становятся «антигероями» и наоборот. При определенной схожести фобий представляется, что такого накала интереса, какой мы видим у «горского мира» к данному периоду истории, у «мира русского» не наблюдается. Причин тому множество. Для России присоединение Кавказа осталось пусть и важной, но далеко не самой заметной вехой в её прошлом. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на современные вузовские (!), не говоря уже о школьных, учебники истории, предназначенные для подготовки будущих специалистов в данной профессиональной сфере. В отличие от национальных республик, где существуют собственные НИИ, и целые отделы изучают прежде всего местную историю, Ставропольский, как и Краснодарский край аналогичных структур как не имели, так и не имеют. Инте-

рес к региональному компоненту поддерживается усилиями вузовской науки и музеев, специфика деятельности которых не позволяет сосредоточить все интеллектуальные ресурсы только на этой проблематике. К тому же, учитывая, что территория Ставрополья находилась на периферии событий т.н. «Кавказской войны», эта тема не отложилась в памяти нынешнего населения края. Внимание к данной проблематике, таким образом, не фокусируется ни научными кругами, ни общественностью. Оно возникает лишь при экстраординарных обстоятельствах, связанных с политическими катаклизмами последних десятилетий. Вовлечённость местных учёных в «войны памяти» – скорее исключение, чем правило.

Если говорить об усилиях, связанных с поиском межэтнического позитива в прошлом, то здесь необходимо кардинально менять политику, связанную с финансированием проводимых исследовательских работ. Формируя план научно-исследовательской работы в государственных бюджетных научных учреждениях, необходимо отдавать предпочтение таким темам, которые связаны с интеграционными процессами, формированием общего политического, экономического и культурного пространства. Увлечённость «войной памяти», безусловно, сохранится, но, по крайней мере, она не будет вестись за счёт федеральных денег. Следует отдавать предпочтение позитивным сюжетам, в которых показана инкорпорация горцев в державное пространство (успешная карьера на военной или гражданской службе, в сфере культуры и т.п.). Тем более что таких примеров можно во множестве найти в самые разные периоды русско-северокавказской истории.

Историческая интерпретация «черкесского вопроса» в современной политической практике

Под «черкесским вопросом» условно понимается процесс вхождения адыгских племен Северо-Западного Кавказа в состав Российского многонационального государства. Данный процесс неоднозначно трактуется в отечественной и зарубежной историографии, и это не случайно. В многовековой истории русско-северокавказских отношений без труда можно найти примеры непримиримого, как казалось современникам и участникам событий, противостояния. Но здесь же история являла и образцы созидательного, партнерского, дружеского единения. Чередовавшиеся взлеты и падения взаимного интереса в широкой исторической ретроспективе позволяют прийти к выводу о постепенно нараставшем и никогда не прекращающемся интегративном процессе, являвшемся частью континентальной евразийской стабилизации, которую в последние столетия в значительной степени обеспечивала и обеспечивает многонациональная Россия.

Вплотную приблизившись к Кавказу, Россия напрямую сталкивается и испытывает на себе тот конфликтный потенциал, которым традиционно отличался этот регион. Максимально используя те преимущества, прежде всего, безопасность от внешней угрозы, которые давала Российская империя, северокавказские горцы далеко не горели желанием нести по отношению к ней какие-либо обязательства. Кардинальным образом изменить положение могло социально-экономическое и культурное взаимопроникновение, захватывавшее самые широкие слои общества, а не только преимущественно элиту. Но происходило оно медленно, и скорых результатов здесь ожидать не приходилось. Попытка насильственной, навязываемой со стороны модернизации традиционных горских обществ привела к их консолидации в противостоянии с чуждой властью. Подобный итог видится закономерным и исторически обусловленным. Втягиваясь в орбиту российской цивилизации, народы Кавказа неминуемо должны были пережить болезненную для них ломку привычных ценностей, трансформацию института социализации, связанного

в немалой степени с набеговой практикой, адаптироваться к требованиям, присущим для любого государства (необходимость платить налоги, нести повинности, подчиняться общему законодательству и т.п.). Всё это не могло не вызвать противодействие с их стороны. Поэтому видеть причину затянувшегося противостояния в злой воле или недальновидности имперской власти представляется ошибочным. Силовая составляющая в российской политике на Кавказе была объективно неизбежной[160].

Немало сил затрачивалось в противоборстве с закубанцами, не раз совершавшими серьезные прорывы в глубь российской территории. Борьба с ними затруднялось тем, что до Адрианопольского мира 1829 г. закубанцы считались подданными турецкого султана и не раз получали от него помощь[161]. Но и после того, как Северо-Западный Кавказ стал формально принадлежать Российской империи, накал борьбы не спадал. Далеко не случайно, что именно здесь раньше всего вернулись к ермоловской тактике, оправдавшей себя на Сунже и в Кабарде. Г.Х. Засс, обративший против горцев их же практику набеговой войны, стал инициатором переноса укреплений с Кубани на Лабу, что позволило создать предпосылки для дальнейшего прочного закрепления этих территорий за Россией.

Для пресечения связей причерноморских племен с другими державами, прежде всего, Турцией, являвшейся главным импортером рабов, поступавших с Кавказа, и таким образом стимулировавшей набеговую практику, а также поставлявшей порох и оружие местным народам[162], России пришлось возво-

---

[160] Дударев С.Л. О некоторых подходах к написанию обобщающей работы по региональной истории // Российский Северный Кавказ: проблемы формирования, материалы к историко-археологическому изучению региона. – Армавир-Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. - С.19-20.

[161] Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). – М., 2006. С.194-213.

[162] Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. К проблеме контрабанды и «пленопродавства» на Кавказе в XIX веке // Вопросы северокавказской истории. Сборник научных статей / Под ред. В.Б. Виноградова. – Армавир, 2001. Вып.6. Ч.I. С.45-50; Цыбульникова А.А. Казачки Кубани в конце XVIII середине XIX в. / Под ред. В.Б. Виноградова. – Армавир, 2005. - С.17-27.

дить на восточном берегу Черного моря целую серию крепостей, которые вместе с флотом должны были прикрыть южные рубежи государства. Подобный шаг имел и важное политическое значение. Россия таким образом утверждала своё присутствие в регионе, показывала, что способна контролировать новые, расширившиеся границы.

Но, как показала практика, возвести укрепления было легче, чем удержать их. Тяжелый непривычный климат, скудная однообразная пища стали причиной высокой смертности среди гарнизонов. Горцы непрестанно тревожили их своими нападениями. Добиться полного прекращения контрабандной торговли так и не удалось, хотя её масштабы и сократились. Многообещающим оказался опыт использования укреплений в качестве центров торговли с местными племенами.

Главным внешнеполитическим соперником России на Кавказе с 30-х гг. XIX в. стала Англия[163]. Не сумев справиться с «русской угрозой» руками турок и персов, англичане начинают активно использовать собственную агентуру в борьбе против российской власти в регионе (преимущественно на Северо-Западном Кавказе)[164]. Интерес Британии к Кавказу объяснялся её экспансионистскими устремлениями на Востоке и прикрывался заявлениями о необходимости защищать Индию, на которую якобы покушалась Российская империя.

Своей антироссийской деятельностью выделялся Д. Уркарт, сумевший спровоцировать выступление ряда черкесских племен против России. Он всячески стремился дискредитировать действия царской администрации на Кавказе, призывал не признавать условия Адрианопольского мира 1829 г. Будучи секретарем британского посла в Константинополе, он стал одним из главных инициаторов в организации провокации с отправлением к кавказским берегам шхуны «Виксен» с контрабандным товаром. Разразившийся в связи с этим скандал можно считать наиболее значимым российско-британским конфликтом вплоть

[163] См.: Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. – М., 2009.
[164] Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860 / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой. – М., 2007. - С.252.

до Крымской войны. Помимо Уркарта, на Кавказе действовали Спенсер, Белл, Лонгворт и ряд других подданных Великобритании. Англичане всячески стремились придать «черкесскому вопросу» международный статус, для чего создавали т.н. черкесское правительство, участвовали в подготовке «Декларации независимости Черкесии». Даже уступки России в отношении черноморских проливов на Лондонских конференциях 1840 и 1841 гг. не привели к пересмотру британскими правительственными кругами своих взглядов по кавказской проблеме. Англичане лишь начали действовать более изощренно, организуя и используя в регионе русофобски настроенных польских националистов[165].

Заметное влияние на племена Северо-Западного Кавказа оказывала деятельность эмиссаров, присылаемых Шамилем. Они стремились консолидировать закубанцев в их борьбе против России. Но усилия Хаджи-Магомета, Сулеймана-эфенди и Мухаммеда Эммина всё же не смогли создать государственное образование, равноценное имамату, что, впрочем, не делало борьбу с ними более легкой. Например, только в 1849 г. черкесы произвели 101 нападение на Кавказскую линию. Они не имели столь заметных результатов, как победы Шамиля на северо-востоке, но держали Линию в непрестанном напряжении. Чтобы предотвращать вторжения «хищников», российское командование в свою очередь широко применяло превентивные удары. В 1852 г. против «немирных» горских аулов на реках Ходзя, Губс успешно действовал генерал Н.И. Евдокимов. Практиковалась оправдавшая себя практика переселения горцев поближе к российским военным укреплениям. Не чуралась российская администрация и переговоров с наиболее влиятельными горскими фамилиями[166]. Но добиться перелома не удавалось ни одной из сторон. В 1853 г. Мухаммед Эммин попытался прорваться в Карачай. Хотя эта акция закончилась для горского предводителя

[165] Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). - Пятигорск, 2002. - С.101-127, 429-489.

[166] Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Ист. очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. – М., 2004. - С.340-341.

провалом, влияние его среди закубанцев не только не уменьшилось, но даже возросло. Показательно, что к началу Крымской войны набеги на русские пределы достигли необычайного размаха. Но эти набеги носили преимущественно промысловый характер, и даже то затруднительное положение, в котором оказалась российская власть в годы тяжелейшего противостояния с ведущими европейскими державами и турками, не заставили горцев изменить привычному укладу и решать военно-политические задачи. В перспективе это неминуемо должно было привести к крушению антироссийского сопротивления, которому нечего было противопоставить возрастающей эффективности военно-политической, экономической и культурной экспансии империи[167].

Развязав себе руки на северо-востоке, российское командование сосредоточивает внимание на усмирении Закубанья. К 1856 г. русские войска в целом закрепились на р. Лабе. В 1860 г., опираясь на Лабинскую и Адагумскую линии, а также на укрепление Майкоп, они начинают активные действия против могущественных и многочисленных абадзехов. Не ограничиваясь только силовыми методами, российская администрация широко практиковала усилия дипломатии и сумела на время нейтрализовать это влиятельное племя. Достигнутый результат позволял сосредоточить усилия на борьбе с другими черкесскими племенами, в частности, шапсугами и натухайцами.

Отсутствие среди горцев, находящихся на догосударственной стадии развития и не сумевших переступить через племенную разобщенность, должного единства облегчало действия имперских властей. В 1861-1862 гг. состоялся Сочинский меджлис, на котором была осуществлена попытка создания черкесской государственности. Следует констатировать, что внутренних предпосылок для такого шага у горцев не было. Они по-прежнему находились в «плену средневеково-патриархального образа жизни», и данный шаг объясняется не столько внутренними потребностями, сколько внешнеполитическими обстоятельствами. Сам Сочинский меджлис был скорее на руку туркам и англичанам, которые стремились затянуть вооруженный кон-

[167] Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М.,1994. - С.490-512, 553-555.

фликт на Кавказе и таким образом продолжать создавать для России «болевую точку» на её южном пограничье. Можно согласиться с выводом о том, что «провозглашение Сочинского меджлиса носило декларативный и инспирированный характер, не отвечало уровню политического развития горских народов. Строителями, носителями и хранителями государственности адыги стали, лишь включившись в стройную имперскую структуру России – надэтнического державного образования, опекавшего не имевшие государственных структур малочисленные народы»[168]. Показательно, что когда русский десант под командованием капитана Бараховича 19 июня 1862 г. разорил постройки меджлиса, к этой идее горцы больше не возвращались.

После того, как в сентябре 1860 г. командующим войсками Кубанской области был назначен Н.И. Евдокимов, был окончательно определен план покорения Западного Кавказа, утвержденный князем А.И. Барятинским. Он предполагал движение русских войск параллельно Главному Кавказскому хребту от р. Лабы на запад и от моря на восток навстречу друг другу. В конечном итоге этот замысел был осуществлен на практике, что позволило окончательно сломить сопротивление «немирных» горцев.

Но прежде чем загрохотали пушки, с «немирными» горцами попытались в очередной раз договориться и решить дело миром. На этот раз к ним обратился сам император, который осенью 1861 г. принял депутацию адыгов. Но, увы, и этот шанс был упущен…

В 1862 г. стало очевидным, что в войне на Северо-Западном Кавказе произошел перелом. Перед черкесами был поставлен нелёгкий для них выбор: либо покориться и переселиться на контролируемые русскими войсками земли, либо перебраться в Турцию, где, как считали многие из них, султан

[168] Матвеев О.В. «Народная воля заменяла… положительное право». (Еще раз к вопросу о Сочинском меджлисе начала 60-х гг. XIX в.) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. - 2000. - №1-2. - С.20.

обеспечит своим единоверцам «райскую» жизнь[169]. Остатки сопротивления горцев были сломлены к 1864 г.

В свою очередь Османская Порта, жаждавшая создать из выходцев с Кавказа послушное орудие против христианских народов, населявших империю султана, развернула активную пропаганду по привлечению горцев к переселению. В этом она нашла активных союзников в лице мусульманского духовенства, боявшегося, что в православной стране её позиции будут подорваны. Инициаторами переезда были и представители привилегированных сословий горцев, стремящихся сохранить свои феодальные права на крестьян, которые в России после 1861 г. неминуемо должны были исчезнуть. В Турции на тот момент проживало довольно много выходцев с Кавказа, не терявших родственных связей с соплеменниками. Они также оказывали немалое воздействие на процесс выселения. Не осталась в стороне и британская дипломатия, видевшая в горцах инструмент, который можно было использовать против России. Совокупность всех этих факторов привела к тому, что в 60-90-е гг. XIX в. произошёл массовый исход туземного населения с родных мест[170].

Российская администрация предпринимала шаги по оказанию помощи переселенцам. С этой целью создавались специальные комитеты, следившие за тем, чтобы горцы могли выгодно продать свое имущество, которое невозможно было забрать с собой, предоставлялись пособия для особо нуждавшихся, заготавливались запасы продовольствия и одежды. Власти следили, чтобы судовладельцы, перевозившие переселенцев, в корыст-

---

[169] Скибицкая И.М. Создание кордонных линий и продвижение военных отрядов в Закубанье в 1860-1862 гг. (историко-географический аспект завершающего этапа Кавказской войны) // Историко-географический сборник. Выпуск.1. / Под ред. А.М. Авраменко. – Краснодар, 2007. - С.409-429.

[170] Жиляев Д.В. Еще раз о периодизации эмиграционных процессов на Северо-Западном Кавказе в конце 1820-х – середине 1860-х гг. // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе (Материалы научно-педагогического семинара). – М.- Армавир, 2009. - С.23-27; Он же. К вопросу о мотиве и характере эмиграционных процессов на северо-Западном Кавказе в конце 1820-х – середине 1860-х гг. // Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы (Материалы 13-го научно-педагогического семинара). – М.-Армавир, 2009. - С.43-52.

ных целях не перегружали свои корабли и тем не увеличивали смертность населения.

Предполагалось, что желание покинуть Кавказ выскажет небольшая, наиболее беспокойная часть его жителей. Но на практике оказалось, что переселение приобрело непредвиденно огромные размеры. В этой связи кавказское руководство начало прибегать к различным экономическим, административным, пропагандистским шагам, чтобы приостановить этот поток[171]. Но успех достигался далеко не всегда. По весьма приблизительным подсчетам общее число переселенцев достигло от 700 до 750 тыс. человек, большая часть которых являлась выходцами с Северо-Западного Кавказа, имевшего традиционно тесные связи с Турцией[172].

Таким образом, присутствующий в конце Кавказской войны курс правительства на поощрение части горцев к выселению не являлся главной причиной их массового «махаджирства». Недаром многие из них стремились вернуться на родину, считая, что в России им было гораздо лучше, чем в Османской империи. И только опасение, что их массовое возвращение может привести к дестабилизации обстановки в регионе, заставляло российскую власть ограничивать их переселение обратно[173].

Завершившиеся боевые действия на Северо-Западном Кавказе дали возможность российской администрации организовать переселение адыгских племен, решивших не покидать землю предков и не эмигрировать в Турцию, в трех уездах: Екатеринодарском, Майкопском и Баталпашинском. Благодаря этому усиливается плотность коммуникаций между ними, а это, в

---

[171] Епифанцев А.А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? – М., 2010. - С.270-307.

[172] Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. - Краснодар, 2003. - С.38.

[173] Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). – Ростов н/Д, 2006. - С.90-121; Цыбульникова А.А. Этноконфессиональные аспекты миграционной политики российских властей на Северо-Западном Кавказе в середине XIX века // Этноконфессиональная ситуация на Северном Кавказе в контексте интеграции региона в состав России (конец XVIII – начало XXI века). – Армавир: Дизайн-студия Б, 2015. – С.160-190.

свою очередь, приводит к постепенному изживанию племенной разобщенности.

К 1865 г. были в целом определены те меры, с помощью которых предполагалось добиться интеграции горцев в российское общество. Как говорилось в «Отчёте по военно-народному управлению Кубанской области с 1 января 1863 г. по 1 января 1869 г.», постепенно, «шаг за шагом, так сказать, входили мы в горскую среду, тщательно выбирая из оной всё вредное и обветшалое, и вызывая народ на новую, светлую жизнь…»[174].

Шаги эти отличались разнообразием и условно были структурированы в двенадцать пунктов:

«1) Введение окружных управлений и территориальное деление горских народов.

2) Учреждение окружных судов.

3) Упразднение влияния и власти владетельных родов и введение выборного управления.

4) Учреждение аульных управлений и судов.

5) Производство камерального описания горских округов.

6) Мера к скорейшему наделению горцев землею.

7) Обложение горцев податьми.

8) Крестьянская реформа.

9) Искоренение воровства.

10) Прекращение абречества.

11) Обезоружение горцев.

12) Мера к развитию хозяйственности среди горцев»[175].

Как видно из данного перечня, усилия властей имели комплексный характер и затрагивали различные сферы жизни автохтонов региона. Не без гордости кавказское начальство отмечало, что освобождение крестьян подтолкнуло даже высшие слои горцев к занятию земледельческим трудом. Естественно, далеко не все смирились с новыми реалиями, но за такими владельцами осуществлялся строгий надзор, чтобы они «не нарушали общественного спокойствия и порядка»[176].

---

[174] ГАКК. Ф.774. Оп.1. Д.172. Св.13. Л.8.
[175] ГАКК. Ф.774. Оп.1. Д.172. Св.13. Л.8.
[176] ГАКК. Ф.774. Оп.1. Д.172. Св.13. Л.27.

Из других источников мы узнаём, что одновременно сократилось число грабежей, и «среди туземного населения стало преобладать более хозяйственное и меркантильное направление, каждый заботится о том, чтоб всякую законно приобретенную прибыль обратить к улучшению своего быта, чем о присвоении чужой собственности»[177]. Изменился даже облик адыгских жилищ – на смену лёгким плетнёвым постройкам пришли основательные дома как символ стабильности и безопасности.

Естественно, полностью искоренить воровство в обществе, которое долгое время рассматривало подобную деятельность как удаль, было невозможно. Имелись сведения о целых семействах, которые жили за счёт набегов и грабежей. Но такие рецидивы, по мнению кавказского начальства, «при надлежащем надзоре местных властей… не получат уже в горских обществах прежнего снисходительного о них суждения и с каждым годом, всё более и более, будет вкореняться в обществах сознание вредности этих преступлений»[178].

Заслуживает внимания тот факт, что власти, стремясь максимально сохранить привычные для горцев формы общественного устройства, издают 4 июня 1865 г. «Положение об управлении горцами Кубанской области», в которых оговаривается право разбирать в окружных словесных судах возникающие споры, исходя из норм обычного права – адата. Но сделать это не удалось, причём не по злой воле царских чиновников, а в связи с отсутствием единых для горских племен народных обычаев. И тогда была проведена работа по сличению норм адата и выработке общих правил, что также сыграло свою роль в консолидации адыгского этноса.

С целью преодоления характерной для туземцев практики селиться в закрытых и малодоступных местах решено было «посредством проложения путей сообщения в таком направлении, чтобы устроенные дороги и мосты могли служить в пользу не одним только горцам, но и русскому населению, живущему в

[177] ГАКК. Ф.774. Оп.1. Д.124. Л.44.
[178] ГАКК. Ф.774. Оп.1. Д.172. Св.13. Л.27.

соседстве»[179], постепенно втянуть горские народы в регулярный товарообмен.

Под воздействием буржуазных реформ происходила трансформация менталитета местных жителей, которые начинали заниматься хозяйственной деятельностью, которую еще недавно считали «унизительной и недостойной». Вчерашние крепостные получали свободу и могли отныне самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Только в Кубанской области к 1868 г. было освобождено 16 367 человек.

Среди горцев активно начинает распространяться русская грамота, формируется своя национальная интеллигенция. В 1878 г. Хаджибеком Анчоком была составлена адыгейская азбука на основе арабской графики. Складываются предпосылки для возникновения адыгейского литературного языка, в основе которого был бжедугский диалект. Последнее вполне объяснимо. Бжедуги раньше остальных интегрировались в российское историко-культурное пространство и в своем большинстве остались на Родине.

Оставшиеся на земле предков горцы, проживавшие в Кубанской области с 1893 по 1915 гг. увеличились с 94 040 чел., до 135 606 человек, т.е. на 44,20%[180].

Для сравнения показательна судьба выехавших в Турцию. Из оказавшихся в Анатолии 220 тыс. черкесов с ноября 1863 г. по сентябрь 1864 г. около 100 тыс. умерло от голода и болезней в карантинных лагерях, а 10 тыс. были проданы в рабство. Махаджиры не дождались обещанных домов на морском побережье, а были размещены в пустынных местностях Малой Азии. Их неоднократно перемещали с одного места на другое, что также приводило к смерти переселенцев[181]. В новых условиях значительная часть адыгов была подвержена ассимиляции,

---

[179] Цит. по: Матвеев О.В. Кавказская война и ее последствия для адыгов // Этнографическое обозрение. – М., 1992. - №2. - С.105-106.

[180] Ктиторов С.Н. Этномифология, ведущая в никуда // Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы (Материалы 13-го научно-педагогического семинара) / Под ред. В.Б. Виноградова. – М.-Армавир, 2009. - С.18-25.

[181] Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. - Краснодар, 2003. - С.44.

как это произошло, например, с племенем убыхов, ушедших в Турцию в полном составе и там за сто лет утративших свое этническое своеобразие[182].

Недаром многие из них стремились вернуться на родину, считая, что в России им было гораздо лучше, чем в Османской империи. Это признавали даже лидеры большевиков, которые традиционно старались находить в действиях царских властей исключительно негатив. Так, Самуил Григорьевич (Ной) Буачидзе, выступая перед делегатами III съезда народов Терека, заметил: «Я больше чем два с половиной года провел в Турции, я видел там эмигрантов-горцев… И горцы-эмигранты говорили, что положение их при царизме в России было гораздо лучше, чем в Турции»[183].

Дальнейшая судьба адыгов, оставшихся в России, была связана с теми горестями и радостями, которые переживали её народы. Пройдя испытания войнами и революциями начала XX столетия, черкесы, благодаря советской власти, получили возможность создать собственное национально-территориальное устройство.

К концу существования СССР все адыгские автономии получили статус союзных республик. В таком положении они вошли в состав Российской Федерации. Получив политическую самостоятельность, эти республики сохранили щедрое финансирование со стороны Центра, который фактически оплачивает их статус[184].

В то же время представляется, что нынешняя политика, проводимая федеральным центром в отношении своей южной периферии, исчерпывает свой потенциал. «Игры в государственность», не подкрепленные соответствующими экономическими, политическими да и ментальными возможностями населения российских окраин, видятся неоправданными и тупиковыми. Есть мнение, что «акт передачи властных полномочий

---

[182] Епифанцев А.А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? – М., 2010. - С.262-270.

[183] Съезды народов Терека. Сборник документов и материалов. В 2-х т. - Орджоникидзе: «Ир», 1977. - Т.I. - С.271

[184] Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. – М.,2007. - С.155

центра в регионы кавказским элитам не был интерпретирован населением республик в коннотациях демократизации жизни, а был расценен как слабость»[185].

В условиях Северного Кавказа попытка создания государственности на этнической основе выливается в дискриминацию «титульной» нацией всех других этносов. Обращает на себя внимание тот факт, что меры по приращению титульных наций осуществляются за счет федерального бюджета. Так, например, происходила социальная адаптация черкесских переселенцев из Косово, прибывших в Адыгею из охваченной войной Югославии. Но закончилась эта акция, инициированная местными властями, тем, что «многие из прибывших соотечественников отбыли обратно. В то же время под натиском изгонялись представители других национальностей, прежде всего русские»[186]. Причины того, почему «земля предков» показалась для них менее привлекательной, чем их балканская родина, требует отдельного исследования. Расширенные квоты на «возвращенцев» не используются за отсутствием желающих[187].

Обращает на себя внимание увлеченность части этнической интеллигенции проблемами своего исторического и культурного наследия. При этом «самоутверждение личности происходит не в реализации собственного потенциала, а в манифестации своей этнической группы. Но если сегодняшние достижения культуры народа не блестящи, о чем свидетельствуют стагнация экономики и низкий уровень жизни значительной части населения, то компенсировать это можно, актуализируя архетипический комплекс маскулинности. Его и поддерживают идеологи-почвенники. Для них самих эта деятельность имеет огромный компенсаторно-практический смысл – утвердить свою значи-

[185] Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. – Ростов-на-Дону, 2003. - С.224.
[186] Бугай Н.Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое и настоящее. – М., 2011. - С.33.
[187] Епифанцев А.А. Неизвестная кавказская война. Был ли геноцид адыгов? – М., 2010. С.344.

мость в этнической культуре, затушевывая профессиональную неконкурентоспособность»[188].

Что касается увлеченности «презентивной историей», которую ряд современных исследователей считают второстепенным занятием, забирающим непропорциональные ресурсы[189], то польза от неё в нынешней ситуации видится гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Мобилизуя этнос вокруг идеи «славного прошлого» и «былых обид», нанесенных «враждебными соседями», можно успешно шантажировать федеральные власти перспективой разрастающегося конфликта, добиваясь всё новых преференций.

В преддверии Олимпиады в Сочи активизировался процесс исторического мифотворчества вокруг черкесской проблематики. Среди наиболее муссируемых тем вопрос о геноциде, якобы имевшем место в XIX столетии. Приводимые доводы сводятся к тому, что адыгов переселяли насильственно на земли, непригодные для жизни; Сочи – место, где уничтожили убыхов, а их малочисленные остатки умерли на чужбине, да и вообще, у адыгов не оставалось никакой возможности остаться на земле предков и т.п. При ближайшем рассмотрении оказывается, что все эти факты не соответствуют действительности и написаны скорее «по мотивам» событий. Со стороны самых высоких российских инстанций (императора!) звучали призывы прекратить вооруженное сопротивление и переселиться на равнины – в места, где по соседству уже живут русские поселенцы, своим примером доказывая преимущества жизни на равнине. Альтернативой могла быть только продолжающаяся война. Аргументом в пользу тех, кто внял доводам рассудка, служат аулы Уляп, Хатукай, Кошехабль и т.д. Убыхи в полном составе организованно перебрались в Османскую империю, но будучи носителями пограничной (между абхазами и адыгами) идентичности, ассимилировались в новых условиях. На месте проведения будущей олимпиады никаких кровопролитных сражений просто не происходило, а знаменитая Красная поляна названа так по расту-

[188]Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. – Ростов-на-Дону, 2003. - С.226.
[189] Российский Кавказ. - С.10.

щему здесь в изобилии папоротнику, имеющему в сумерках красноватый оттенок. Говоря о невзгодах и гибели в пути части т.н. мухаджиров, необходимо помнить, что это было вызвано не злым умыслом российской администрации, а тем, что исход адыгского населения, сагитированного своими вождями, приобрел массовый, неконтролируемый характер. Обеспечить переселенцев всем необходимым оказалось невозможно, хотя государство и выделяло для этого значительные финансовые средства (289 678 руб. 17 коп., т.е. 10 рублей на семью)[190]. Для сравнения – на обустройство (т.е. строительство дома, приобретение инвентаря, покупку скота и т.п.) казаков-перебежчиков, которые после завершения боевых действий и амнистии со стороны правительства должны были переселиться на равнину, выдавали 50 рублей на семью[191].

Свою подпитку «черкесский вопрос» получил и со стороны режимов, которые используются для создания вокруг России проблемного пространства. Так, череда конференций и съездов, проходивших в Грузии, на которых поднимался вопрос о создании Великой Черкесии, стали частью такой политики[192]. И хотя после 2014 г. интерес к этой проблеме значительно снизился, это не значит, что он исчерпан. Его латентный потенциал всегда можно актуализировать и использовать для шантажа федерального центра.

[190] Епифанцев А.А. Указ. соч. - С.235-309.

[191] Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф.13. Оп.1. Д.57. Л.4 об.

[192]Черкесская молодежь Северного Кавказа предлагает создать новую республику http://south-osetia.kavkaz-uzel.ru/articles/144489; Кешев: конференции по "черкесскому вопросу" проходят в Грузии, так как Россия не занимается этой проблемой // http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/177889/

Заключение

Интерес к Кавказу в российском обществе и в академической науке далеко не всегда имел приоритетное значение. Актуализация этой проблемы на настоящем этапе связана с драматическими событиями конца XX – начала XXI столетий, непосредственными участниками которых стали десятки тысяч людей. Да и для тех, кто узнавал о происходящих на Юге событиях только из средств массовой информации, становилось очевидным, что распахнувшийся «ящик Пандоры» в любой момент может обрушиться на них своими бедами.

Вспыхнувший на Кавказе пожар пришлось тушить всей страной, заливая его кровью и финансовыми потоками. Уничтожая «непримиримых», привлекая, а нередко и покупая лояльность готовых к компромиссу местных лидеров, власть сумела стабилизировать ситуацию и не позволила пройти «точку невозврата», после которой распад России стал бы свершившимся фактом. Но были ли устранены причины, породившие этот структурный кризис? Ответ, увы, будет отрицательным. Видимо, в наступившем веке регион останется одним из главных раздражителей в жизни России.

Это отнюдь не означает, что трагический финал многовекового русско-кавказского единства предопределён, и нужно смиренно ждать, когда произойдёт его крушение. История уже не раз испытывала на прочность историческое партнёрство народов нашего общего Отечества. Ослабление устоев государственности приводило к «раздраю» и смуте, которыми пользовались геополитические конкуренты, стремящиеся получить свои выгоды от происходящего. Но даже в самой, на первый взгляд, безнадёжной ситуации находились силы преодолеть возникшие трудности. Нынешний кризис не исключение, но его преодоление потребует ещё немало трудов.

Представляется, что позиции российского государства в регионе были в немалой степени утрачены, а их восстановление займёт не одно десятилетие. Экономические, политические, социокультурные неурядицы будут усугубляться неблагоприятной внешнеполитической конъюнктурой. То, что «террористический

интернационал» успешно рекрутирует здесь новых сторонников, лишний раз говорит о далеко неблагополучном положении в местных обществах.

Лояльность части северокавказских элит Москве относительна и в случае новых политических катаклизмов, скорее всего, будет утрачена. Недавние вооружённые конфликты на территории Северного Кавказа, продемонстрировали, что горская архаика далеко не исчерпала своего потенциала и легко возвращается в повседневность, заставляя вспомнить такие, казалось, давно ушедшие явления как набег, плен и рабство, этническая клановость и т.п.

Утратив монополию на насилие, государство, по крайней мере, пока вынуждено смириться с тем, что этот инструмент воздействия на общество оказался в руках местных лидеров, применяющих его для закрепления собственного статуса. В обмен на то, что Москва закрывает глаза на этот факт, они обеспечивают относительную стабильность и порядок на вверенной их попечению территории, к тому же получая за свою лояльность средства из федерального центра.

Популярность идей сепаратизма приобрела латентные формы и прорывается в «войнах памяти», когда на прошлое русско-северокавказских отношений пытаются смотреть сквозь призму конфликтных сюжетов. Такой подход позволяет держать этнос в состоянии высокой мобилизационной готовности, что является серьёзным аргументом в диалоге с государством. Это стало одной из причин того, что попытки использовать позитивные сюжеты совместного прошлого в качестве парадигмы русско-северокавказских отношений нередко воспринимаются негативно, а образ врага зачастую становится стержнем этнической истории.

Простыми запретами подобная болезнь вряд ли будет излечима. Некого универсального рецепта на этот счёт не существует. В истории нашей страны народы сплачивала либо общая, мессианская по своей сути созидательная сверхзадача, либо общая беда. Последний вариант, хочется верить, не понадобится…

Послесловие

«Лучшее – враг хорошего», – не раз говорил мне мой научный наставник и поводырь Виталий Борисович Виноградов, которому я обязан своим интересом к Кавказу. Любая тема безгранична, и каждый раз, когда кажется – сказал всё, что хотел сказать, появляются новые мысли, идеи, факты и комментарии к ним. Вот и на этот раз, уже готовый текст этой небольшой работы, попав в руки уважаемого научного редактора, доктора исторических наук, профессора Сергея Леонидовича Дударева, по его совету подвергся коррективе, которая заключалась в том, что автор счёл возможным обратиться к лицам, обличённым властью, со своими предложениями. Мало чего понимая в экономике, юриспруденции и прочих научно-практических сферах общественного бытия, которые требуют вдумчивой специализации и не терпят дилетантского вмешательства, позволю себе высказаться лишь на тему, близкую мне в силу моей преподавательской деятельности.

В условиях Кавказа добиться торжества меритократии[193] (хотя этот идеал и является недостижимой утопией, что вовсе не отрицает необходимости стремиться к нему) вряд ли возможно. Предоставляя шанс выходцам из региона достичь престижного статуса за его пределами, активно участвуя в процессе их социализации, создавая для них социальный лифт, вполне возможно получить «истовых государственников», способных не только державно мыслить, но и увлекать своей убеждённостью и авторитетом соотечественников. Таких примеров немало (Ш.Б. Ногмов, Ю.-б.Б. Евкуров, Р.Г. Абдулатипов и т.д.), как немало примеров того, когда такие «птенцы империи» становились её непримиримыми противниками, сочтя себя обманутыми

[193]В переводе с латыни это слово означает - "Власть одарённых"...meriitus - достойный, kratos - власть...Это социологический термин, введённый в оборот английским учёным М.Янгом...Согласно его теории, капитализм неизбежно трансформируется в общество, в котором править будут лучшие во всех отношениях люди, своего рода техническая и интеллектуальная элита [http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1674235-chto-oznachaet-termin-meritokratija.html]. Известный российский деятель И.И. Стрелков весьма интересно трактует этот термин, как «власть заслуг» (Ред.).

и брошенными (М.А. Кундухов, Д.М. Дудаев, А.А. Масхадов и др.). Но и такой неудачный, трагичный по своей сути опыт также необходим. «Мы в ответе за тех, кого приручили…» (А. де Сент-Экзюпери).

Региональных лидеров необходимо готовить, тем более, что опыт в таких вопросах накоплен немалый[194]. Начиная свой карьерный рост за пределами региона, желательно в интернациональной среде, они к моменту возвращения на Малую Родину приобретут профессиональный и мировоззренческий кругозор, который позволит более критично оценивать ценности архаики с её узкоклановой ограниченностью. Именно люди с такими страницами в биографии должны иметь преференции и поддержку в выстраивающемся диалоге центра и периферии. «Государственное аталычество» позволит сформировать плеяду общественных деятелей, которые будут связывать своё благополучие и благополучие своего рода на службе державе. И тогда, хотя бы часть старых проблем, присущих Северному Кавказу, будет решена. Теперь, пожалуй, dixi...

[194] Багдасаров С.А. Ближний Восток: вечный конфликт. – М.: Издательство «Э», 2016. – С.96-108.

Список источников и литературы

1. Авксентьев В.А., Зинев С.Н., Лавриненко Д.А., Лепилкина О.И., Майборода Э.Т. Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 274 с.
2. Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов. – Грозный: Чеч.-Инг.издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1990. – 368 с.
3. Андрей Фурсов – последнее. Новое средневековье URL:https://www.youtube.com/watch?v=iPfYJKLQml8 (дата обращения – 24.10.15).
4. Багдасаров С.А. Ближний Восток: вечный конфликт. – М.: Издательство «Э», 2016. – 288 с.
5. Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860 / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой. – М.: Центрполиграф, 2007. – 351 с.
6. Батальон имени Ермолова (694-й отдельный мотострелковый) URL: http://via-midgard.info/2019-batalon-imeni-ermolova-694-j-otdelnyj.html (дата обращения 25.05.2014).
7. Белоусов А. Политическая формула Рамзана Кадырова: первый после Путина. URL: https:// news.mail.ru/politics/21960231/ (дата обращения 11.05.2015).
8. Беляев С. Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. – 64 с.
9. Блиев М.М. К проблеме общественного строя горских («вольных») обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа XVIII – первой половины XIX в. // История СССР. – 1989. – №4. – С.151-168.
10. Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. – 1983. – №2. – С.54-75.
11. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М.: «Росет», 1994. – 592 с.

12. Блинова Е., Симакин Д. Москва мигрантская. URL:http://dialogs.org.ua/issue_full.php?m_id=4675 (дата обращения 4.11.2015).
13. Борисов Т. Что всё-таки случилось в Бороздиновской? // Российская газета. – 2005. – 29 июля. URL: http://www.rg.ru/2005/07/29/borozdinovskaya.html (дата обращения 15.05.2015).
14. Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2004. – 208 с.
15. Бугай Н.Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое и настоящее. – М.: Гриф и К, 2011. – 440 с.
16. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / авт. коллектив. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 1094 с.
17. Вартумян А.А., Рябцев В.Н. Активация Грузией «Черкесского вопроса» после югоосетинского кризиса: хроника информационной войны с Россией // Региональные политические исследования. – 2011. – №4(4). – С.175-183.
18. Великая Н.Н. Национальная политика России на Северном Кавказе в первой половине XIX в. // Межэтническое взаимодействие в России: исторический аспект, проблемы и перспективы развития / Под ред. А.И. Шаповалова. – Краснодар: ЭДВИ, 2013. – С.81-100.
19. Великая Н.Н. О методах российской политики на Северном Кавказе в первой половине XIX века // Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории: материалы всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2013. – С.69-76.
20. Виноградов Б.В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начале XIX в. – Славянск-на-Кубани, 2009. -138 с.

21. Виноградов В.Б. Генерал Г.Х. Засс: «Отступления со мною нет и не будет!» / Под ред. С.Л. Дударева. – Армавир, 2000. – 20 с.
22. Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. К проблеме контрабанды и «пленопродавства» на Кавказе в XIX веке // Вопросы северокавказской истории. Сборник научных статей / Под ред. В.Б. Виноградова. – Армавир, 2001. – Вып.6. – Ч.I. – С.45-50.
23. Виноградов В.Б. Современные аспекты российского кавказоведения (Мозаика новейших публикаций). – Москва; Армавир, 2007. – 60 с.
24. Гапуров Ш.А. Дискуссионные вопросы кавказоведения (XIX век): поиски компромисса // Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. Черноус В.В. – Ростов-на-Дону: МАРТ, 2013. – С.31-38.
25. Гарунова Н.Н. Дискуссионные аспекты термина «Кавказская война» // Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. Черноус В.В. Ростов-на-Дону: МАРТ, 2013. – С.39-49.
26. Гасаналиев М.М. Первая Кавказская война. Сатрап. – Махачкала, 2001. – 171 с.
27. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.774. Оп.1. Д.124.
28. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.774. Оп.1. Д.172. Св.13.
29. Гродненский Н.Н. Вторая чеченская: история вооружённого конфликта. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2010. – 704 с.
30. «Грозный ТВ» насчитала миллион человек на митинге в поддержку Кадырова. URL: https://news.mail.ru/politics/24605379/ (дата обращения 22.01.2015).
31. Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Кондратова. – М.: ОГИ, 2005. – С.7-79.

32. Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Сборник русского исторического общества. Т.2 (150) / Под ред. Рапова О.М. – М.: РИО, «Русская панорама», 2000. – С.225-250.
33. Дегоев В., Ибрагимов Р. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию, или Повестка дня на вчера. – М.: Издательский дом «Империум – XXI век», 2006. – 82 с.
34. Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: SPSL-«Русская панорама», 2001. 374 с.
35. Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. – М.: Рубежи XXI, 2009. – 552 с.
36. Дегоев В.В. История, опрокинутая в политику. Три досье «до востребования». М.: МГИМО-Университет, 2013. 522 с.
37. Дегоев В.В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). – М.: Изд-во Модест Колеров, 2013. – 256 с.
38. Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. – Ростов-на-Дону, 2003. – 352 с.
39. Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 384 с.
40. Дмитриев В.А. Насильственные действия и их проявления в традиционном и современном социоре адыгов // Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. – СПб.: «Наука», 2001. – С.332-381.
41. Дударев С.Л. Это было недавно, это было давно…: очерки истории и повседневного быта одной семьи в интерьере эпохи. К 190-летию основания города Грозного (1818-2008). – Армавир-Ставрополь: Сервисшкола, 2008. – 272 с.
42. Дударев С.Л. Трудными дорогами совместничества (Размышления о статье А.А. Цуциева «Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов») // Вопросы южнороссийской истории. Вып.15. / Под ред. С.Н. Ктиторова. – Москва; Армавир, 2009. – С.124-196.
43. Дударев С.Л. Образ А.П. Ермолова на рубеже XX-XXI вв. // Вестник архивиста Кубани. № 4. – Краснодар, 2009. – С.71-75.

44. Дударев С.Л. К изучению специфики интегративного процесса у народов Северного Кавказа и Большой России в XVIII – начала XXI в. – Армавир: Дизайн-студия Б, 2013. – 56 с.
45. Дударев С.Л. Размышления об историческом опыте «горской модернизации»// Российский Северный Кавказ: проблемы социально-политического развития и исторического выбора. Материалы 18-го семинара Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. – Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2013. – С.36-40.
46. Дударев С.Л. О специфике исламизации Северо-Западного Кавказа в 1830 – начале 1860-х гг. // Материалы III Международного форума историков-кавказоведов «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства» (17 ноября 2015 г., г. Ростов-на-Дону) / Отв. ред. Черноус В.В. – Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2015. – С.145-149.
47. Дударев С.Л. О некоторых подходах к написанию обобщающей работы по региональной истории // Российский Северный Кавказ: проблемы формирования, материалы к историко-археологическому изучению региона. – Армавир-Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. – С.14-22.
48. Духаев А. Абреки из Притеречья. – Лаха-Неврe, 2002. – 40 с.
49. Енгибарян Р.В. «Время нас выбирает, всё остальное – мы…» // Литературная газета. – №36 (6478). – 17-23 сентября 2014 г.
50. Епифанцев А.А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? – М.: ИПЦ «Маска», 2010. – 356 с.
51. Жиляев Д.В. Еще раз о периодизации эмиграционных процессов на Северо-Западном Кавказе в конце 1820-х – середине 1860-х гг. // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе (Материалы научно-педагогического семинара). – М.- Армавир, 2009. – С.23-27.
52. Жиляев Д.В. К вопросу о мотиве и характере эмиграционных процессов на северо-Западном Кавказе в конце 1820-х – середине 1860-х гг. // Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы (Материалы

13-го научно-педагогического семинара). – М.-Армавир, 2009. – С.43-52.
53. Зверева Г. Чеченская война в дискурсах массовой культуры России: формы репрезентации врага // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Кондратова. – М.: ОГИ, 2005. – С.302-335.
54. Ибрагимов М. На юго-востоке Чечни открыт памятник девушкам, погибшим во время Кавказской войны URL: http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/230155/ (дата обращения 20.09.2013).
55. Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьёва; Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН; Ингушский государственный университет. – М.: Наука, 2013. – 509 с.
56. Интервью Джабара Аскерова, чемпион Европы по тайскому боксу. URL: https://twitter.com/ComradZampolit/status/621627888920453120 (дата обращения 4.12.2015).
57. Ислам на Северном Кавказе: история и современность / под ред. И. Текушева и К. Шевченко. – Прага: Medium Orient, 2011. – 233 с.
58. История Чечни с древнейших времен до наших дней. в 2-х т. Т.II. История Чечни XX и начала XXI веков. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. – 832 с.
59. Кавказ 2011. Русский взгляд. – М.: Фонд РОД, 2011. – 64 с.
60. Кадыров заявил о лояльности Путину. URL: http://www.info-islam.ru/publ/novosti/ rossiya/kadyrov_zajavil_o_lojalnosti_putinu/ 1-1-0-33436 (дата обращения 26.04.2015).
61. Кадыров-ТВ: женщину в Чечне публично стыдят за критику правительства. URL: http://www.currenttime.tv/content/article/27442981.html (дата обращения 24.12.2015)
62. Казенин К. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. – М.: Издательский дом «Регнум», 2012. – 176 с.
63. Казула Ф.Ч. Третий подход к истории. – Пиза, 2001. – 202 с.
64. Как женщина в Чечне выступила против Кадырова и чем это закончилось. URL:http://www.youtube.com/watch?v=CSOKDIYA_dA. (дата обращения 24.12.2015)

65. Камышев Д. Ещё одна публичная смертная казнь в Чечне // Коммерсант. – №158. – 19.09.97. URL: http://kommersant.ru/doc/184287 (дата обращения 7.05.2015).
66. Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2007. – 656 с.
67. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. – СПб., 1996. – 309 с.
68. Карпов Ю.Ю. Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа // Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. – СПб.: «Наука», 2001. – С.221-262.
69. Кешев: конференции по «черкесскому вопросу» проходят в Грузии, так как Россия не занимается этой проблемой. URL: http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/177889/ (дата обращения 1.04.2014).
70. Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). – М., 2006. – 360 с.
71. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827). – Ессентуки, 1999. – 135 с.
72. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). – Пятигорск: ПГЛУ, 2002. – 494 с.
73. Клычников Ю.Ю. Исследование А.А. Епифанцева и размышления о проблемах современной кавказоведческой историографии // Вопросы Южнороссийской истории. – Армавир, 2011. – Вып.17. – С.103-109.
74. Клычников Ю.Ю. Перспективы очередного модернизационного обновления Северного Кавказа // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск, 2013. – №3. – С.227-233.
75. Клычников Ю.Ю. К оценке доказательной базы событий в с. Хайбах в феврале 1944 г. // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – VII. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 12-13 декабря 2014 г. – Пятигорск: ПГЛУ, 2014. – С.104-109.

76. Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.). Исторические очерки. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 368 с.
77. Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала. (Исторические очерки) / Под ред. В.Б. Виноградова. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2006. – 211 с.
78. Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. «Так буйную вольность законы теснят…»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисловием Б.В. Виноградова. Пятигорск: РИА КМВ, 2011. 256 с.
79. Колчин Д. Хребты безвременья. Почему жители дагестанского посёлка Временный больше не чувствуют себя россиянами // Русский репортёр. – №21 (397). – 1-15 октября 2015. – С.18-23.
80. Конец империи Саида Амирова. Джангамахинский клан. URL: http://dag-news.com/rassledovania/item (дата обращения 3.06.2013).
81. Кречетников А. Чеченские силовики: опора или угроза? URL**:** https://news.mail.ru/politics/21345970/ (дата обращения 15.03.2015).
82. Кринко Е.Ф. Кавказская война в исторической памяти Юга России: мемориальная версия // Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории: материалы всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2013. – С.36-44.
83. Ктиторов С.Н. Этномифология, ведущая в никуда // Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы (Материалы 13-го научно-педагогического семинара) / Под ред. В.Б. Виноградова. – М.-Армавир, 2009. – С.18-25.
84. Кушхабиев А.В. Русско-кавказская война в истории адыгского народа // Исторический вестник: VII выпуск. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. С.350-371.

85. Лазарян С.С. Военно-политическая и административно-правовая деятельность князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845-1854 гг. – Пятигорск: ПГЛУ, 2012. – 323 с.
86. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1872. – № 6. – С.1-62.
87. Левинсон А. «Кавказ» подо мною. Краткие заметки по формированию и практическому использованию «образа врага» в отношении «лиц кавказской национальности» // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Кондратова. – М.: ОГИ, 2005. – С.276-301.
88. Лики российскости. Материалы научно-педагогических материалов Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. 2009-2010 гг. (семинары №№14 и 15). – Армавир; Ставрополь: Графа, 2010. – 112 с.
89. Максаков И. Публичная казнь резко осуждена // Электронная версия «НГ» (ЭВНГ). №177 от 20 сентября 1997 г. URL: http://uni-potsdam.de/u/slavistik/zarchiv/0997m/k177-16.htm (дата обращения 7.05.2015).
90. Маркедонов С.М. Кронпринц Свободной Ичекрии. URL: http://memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2005/12/m52307.htm (дата обращения 15.07.2015).
91. Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). – Ростов н/Д, 2006. – 256 с.
92. Матвеев О.В. Кавказская война и ее последствия для адыгов // Этнографическое обозрение. – М., 1992. -№2. – С.104-113.
93. Матвеев О.В. «Народная воля заменяла… положительное право». (Еще раз к вопросу о Сочинском меджлисе начала 60-х гг. XIX в.) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – 2000. – №1-2. – С.17-21.
94. Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. – Краснодар, 2003. – 200 с.
95. Материалы семинара (№9) кафедры РСИД АГПУ на тему «О состоятельности термина и понятия “Кавказская война”» // Вопросы Южнороссийской истории (научный сбор-

ник) / Под ред. В.Б. Виноградова и С.Н. Ктиторова. – Москва; Армавир, 2006. – Вып. 11. – С.90-111.
96. Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В., Романов И.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Том V. Специальный выпуск. Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 160 с.
97. Матишов Г.Г., Авксентьев В.А., Батиев Л.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – 260 с.
98. Матишов Г.Г., Клычников Ю.Ю., Хлынина Т.П. «Черкесский вопрос»: история, политика и современное мифотворчество // Вестник Южного научного центра. – 2012. – Т.8. – №1. – Январь-март. – С.80-89.
99. Матишов Г.Г., Пащенко И.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Том VI. Южнороссийский макрорегион и Олимпиада в Сочи. Специальный выпуск. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – 200 с.
100. Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение кадетская школа им. генерала Ермолова А.П. г. Ставрополя. URL: http://kadetstav.ru (дата обращения 25.05.2014).
101. Муханов В.М. Наброски к портрету генерала Н.И. Евдокимова // Кавказский сборник. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2008. – Т.5(37). – С.137-165.
102. Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 428 с.
103. Найдёнов И. Кто напал на Нальчик // Известия. 17 октября 2005 г. URL: http://izvestia.ru/news/307227 (дата обращения 26.04.2015).
104. Нефляшева Н.А. Черкесское национальное движение – внутрироссийский и международный контекст. URL: http://www.aheku.org/news/society/2813 (дата обращения 1.04.2014).
105. Нерсесов Ю. Памятник чеченским эльфийкам URL: http://www.apn.ru/publications/article30119.htm (дата обращения 20.09.2013).

106. Нухажиев Н.С. Не имею права молчать (избранные статьи, выступления, интервью). – Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2013. – 448 с.
107. Осетины / отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского НЦ РАН и Правительства РСО-Алания. – М.: Наука, 2012. – 605 с.
108. Основные выводы и рекомендации Всесоюзной научной конференции «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.» 20-22 июня 1989 г., Махачкала // Вопросы истории. – 1990. – №1. – С.184-186.
109. Основные этапы всемирной истории: учебное пособие / под ред. В.Б. Виноградова и С.Л. Дударева. – Армавир: Графа, 2009. – 260 с.
110. Остахов А.А. Аспекты исторической комплиментарности на примере Кавказской войны (1817-1864) // Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. Черноус В.В. – Ростов-на-Дону: МАРТ, 2013. – С.103-112.
111. Проценко Н. «Это не кампания, это надолго» // Эксперт Юг. – 6-19 апреля 2015. – №15-16 (355-356). – С.18-21.
112. Пыхалов И.В. За что Сталин выселял народы? – М.: Яуза-пресс, 2010. – 480 с.
113. Результаты опроса проведённого на сайте Всероссийской конференции «ИГИЛ. Информационно-психологическое противодействие терроризму на Северном Кавказе» (2015 г.). – Б.м., б.г. – С.7.
114. РИСИ: Грузино-черкесское «братство»: вопреки очевидности. URL: http://news.rambler.ru/14423882/ (дата обращения 1.04.2014).
115. Рогаткин А. «Все в один голос: «Путин, приди, Путин, спаси» // Культура. – 2015. – №42. – 4-10 декабря.
116. Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007. – 384 с.

117. «Российскость» в истории Северного Кавказа / Под ред. В.Б. Виноградова. Вып.7. – Армавир, 2002. – 96 с.
118. Рубникович О., Сергеев Н. Следствие разобралось. URL: https://news.mail.ru/politics/21839246/?idc=1 (дата обращения 26.04.2015).
119. Сайдаев И. Муравьиная работа или развенчание «чеченского Геббельса». – Ростов-на-Дону: Изд-во Марат, 2014. – С.94.
120. «Семья». URL:http://www.youtube.com/watch?v=Ocmw3ktr5aE (дата обращения 15.07.2015).
121. Скибицкая И.М. Создание кордонных линий и продвижение военных отрядов в Закубанье в 1860-1862 гг. (историко-географический аспект завершающего этапа Кавказской войны) // Историко-географический сборник. Выпуск.1. / Под ред. А.М. Авраменко. – Краснодар, 2007. – С.409-429.
122. Современные аспекты российского кавказоведения (Мозаика новейших статей и материалов). – Вып.2. – Москва-Армавир, 2009. – 116 с.
123. Соколов-Митрич Д. Нетаджикские девочки. Нечеченские мальчики. – М.: Яуза-пресс, 2007. – 320 с.
124. Солдатов А., Бороган И. Новое дворянство: очерки истории ФСБ / авторизованный пер. с англ. О. Литвиновой. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. – 320 с.
125. Стародубовская И.В., Соколов Д.В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 280 с.
126. Стенограмма итоговой конференции Владимира Путина. URL: http://rg.ru/2014/12/18/stenogramma-site.html (дата обращения 11.01.2015).
127. Стрелков И. О чем говорит создание Нацгвардии? URL: https://www.youtube.com/watch?v=rdpmpGe2eq8 (дата обращения – 14.04.16).
128. Сущий С.Я. Северный Кавказ: Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 432 с.
129. Съезды народов Терека. Сборник документов и материалов. В 2-х т. – Орджоникидзе: «Ир», 1977. – Т.I. – 354 с.

130. Тишков В.А. Общество в вооружённом конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука, 2001. – 552 с.
131. Тишков В.А. Теория и практика насилия // Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. – СПб.: «Наука», 2001. – С.7-38.
132. Тодуа З. Экспансия исламистов на Кавказе и в Центральной Азии. – М.: «ИН-ОКТАВО», 2006. – 272 с.
133. Урушадзе А.Т. Современные проблемы нациестроительства в Кабардино-Балкарии // Нации и государство на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия: Сборник научных статей и материалов / Под ред. Т.П. Хлыниной. – Ростов н/Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – С.82-104.
134. Хартия историков-кавказоведов // Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. Черноус В.В. – Ростов-на-Дону: МАРТ, 2013. – С.234-235.
135. Хлынина Т.П. Россия и Кавказ: болевые точки и стратегия «исторического примирения» // Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории: материалы всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2013. – С.45-53.
136. Хут Л.Р. Вхождение Северного Кавказа в состав России в историографических практиках исторической политики (субъективные заметки) // Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории: материалы всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2013. – С.18-27.
137. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф.13. Оп.1. Д.57.
138. Цмай В.В. Некоторые аспекты концепции насилия в арабо-мусульманской культуре // Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. – СПб.: «Наука», 2001. – С.263-293.

139. Цыбульникова А.А. Казачки Кубани в конце XVIII середине XIX в. / Под ред. В.Б. Виноградова. – Армавир, 2005. – 70 с.
140. Цыбульникова А.А. Этноконфессиональные аспекты миграционной политики российских властей на Северо-Западном Кавказе в середине XIX века // Этноконфессиональная ситуация на Северном Кавказе в контексте интеграции региона в состав России (конец XVIII – начало XXI века). – Армавир: Дизайн-студия Б, 2015. – С.160-190.
141. Черкесская молодежь Северного Кавказа предлагает создать новую республику. URL: http://south-osetia.kavkaz-uzel.ru/articles/144489 (дата обращения 1.04.2014).
142. «Черкесский вопрос» в контексте угроз и рисков в Азово-Черноморском регионе: Материалы Расширенного заседания Учёного совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН (5 июля 2011 г., Ростов-на-Дону). – Ростов н/Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. -104 с.
143. Щербаков А. Терроризм. Война без правил. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2012. – 464 с.
144. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Ист. очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. – М., 2004. – 403 с.
145. Яшин И. Угроза национальной безопасности. Независимый экспертный доклад. – М., 2016. – 65 с.